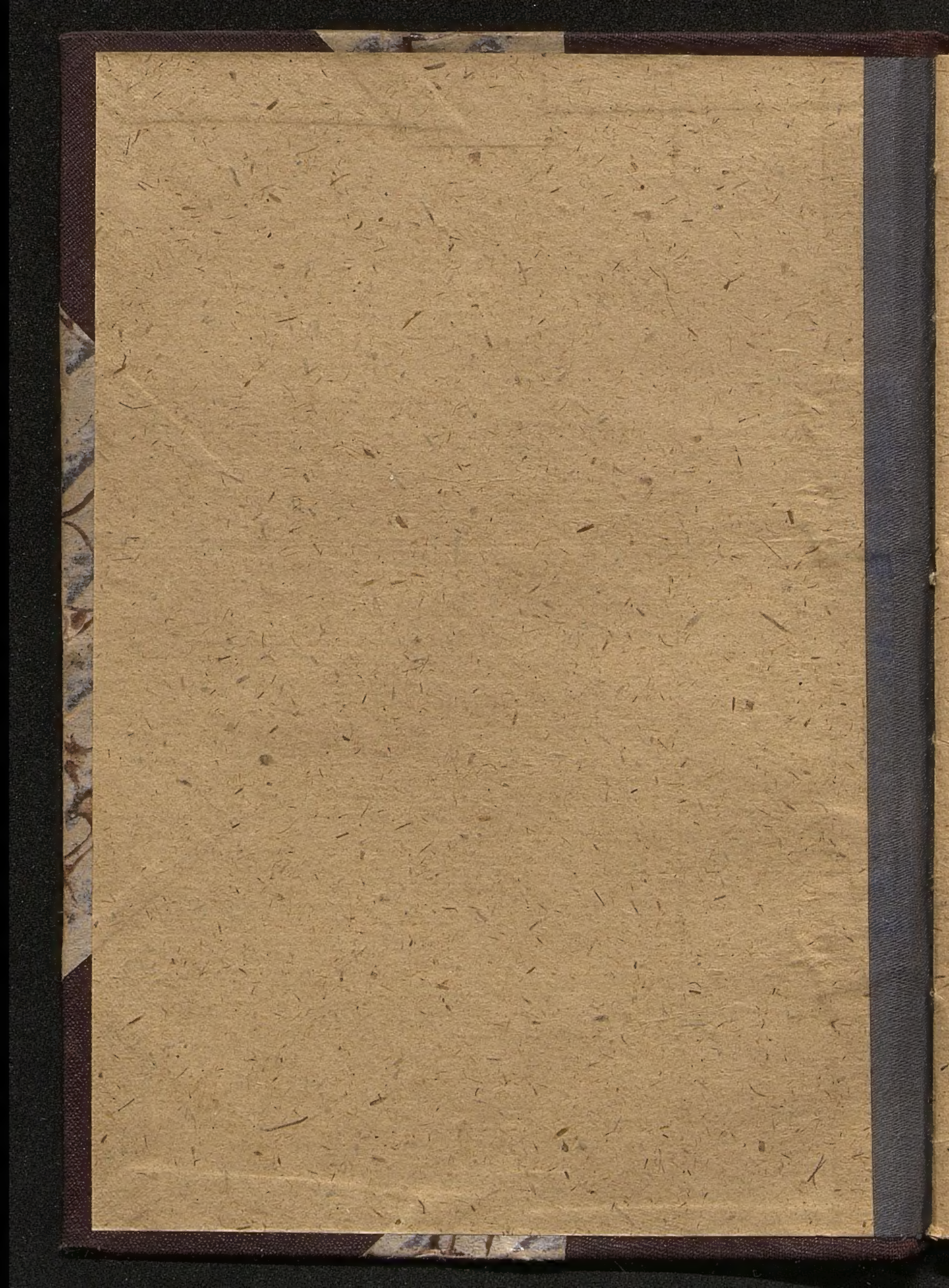
Ягодкин

ОКТЯБРЬ НА РОДИНЕ ЛЕНИНА

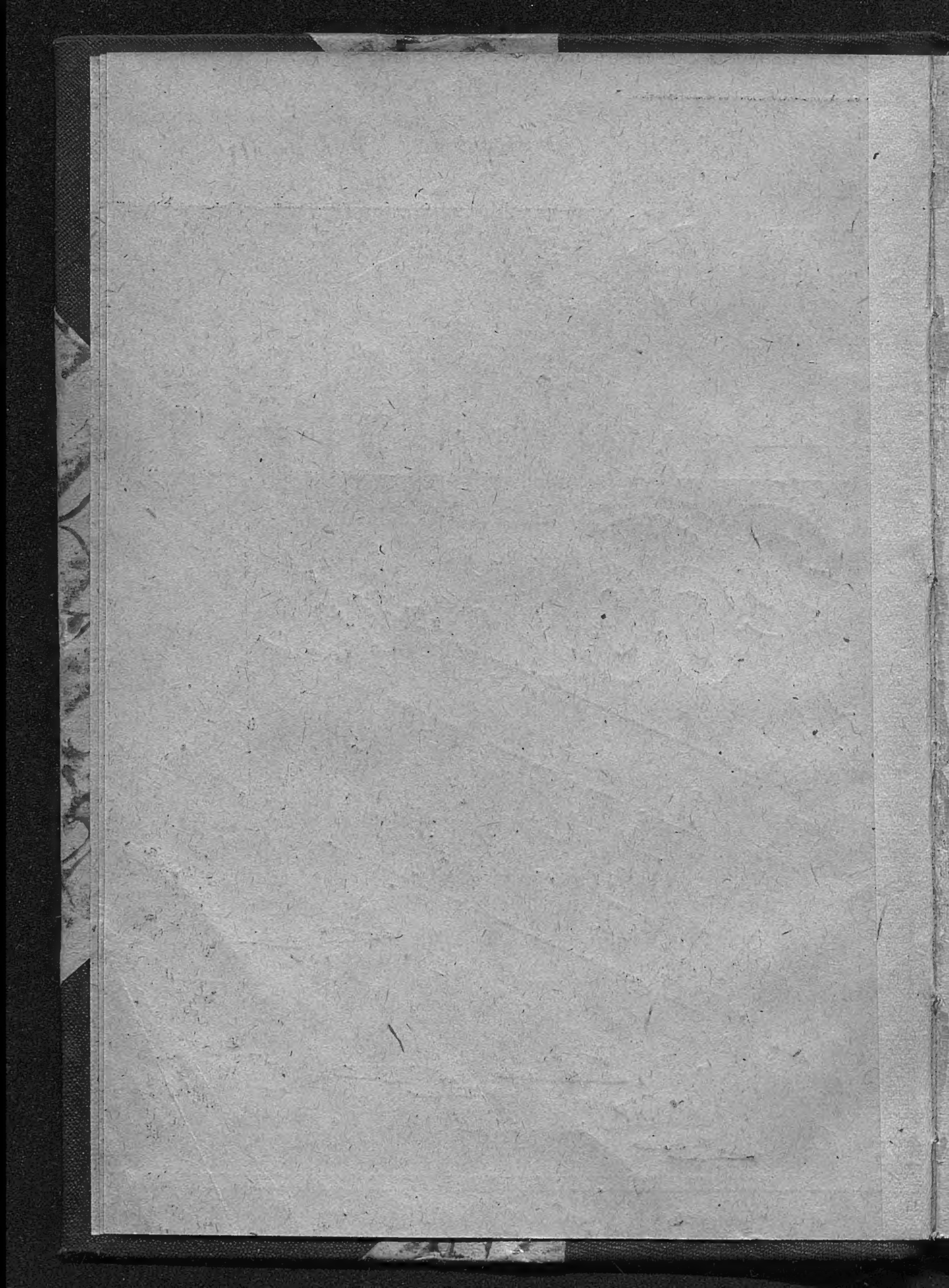

В. ЯГОДКИН

ОКТЯБРЬ на Родине ЛЕНИНА

ИСТПАРТ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б)

В. ЯГОДКИН

ОКТЯБРЬ НА РОДИНЕ ЛЕНИНА

ПО ДОКУМЕНТАМ И МАТЕРИАЛАМ
УЛЬЯНОВСКОГО ИСТПАРТА
И МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ

СРЕДНЕВОЛЖСКОЕ КРАЕВОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932 САМАРА

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ СИМБИРСКА

Ульяновск—родина В. И. Ленина—с каждым годом привлекает и будет привлекать огромные массы туристов и экскурсантов.

Каждый уголок Ульяновска, широко раскинувшегося на венце высокой, крутой зеленой горы над Волгой, еще дышит воспоминаниями об Ильиче, который провел здесь первые 17 лет своей жизни.

Турист и экскурсант, посетившие Ульяновск, имеют возможность познакомиться здесь не только с домашней обстановкой семьи Ульяновых в том виде, в каком она была при жизни Ленина, но и перелистать страницы из истории великой эпохи Октября, яркие эпизоды которой прошли на его родине.

Ульяновские вишневые и яблоневые сады, река Волга—с ее лесистыми островами и песчаными отмелями, извилистые берега свияжской «кругосветки» напомнят им не только о детских и юношеских годах Владимира Ильича они напомнят также о тех героических подвигах красногвардейцев и партизан-большевиков, которые, следуя по пути, указанному великим вождем и учителем, отстаивализавоевания социалистической революции и личным бесстрашием вдохновляли бойцов на боевые подвиги.

«Пусть память о них,—скажем мы словами Гая Дмитриевича Гая, начальника Железной двиизии, освободившей родину Ленина от власти белых,—в о о д у ш е в и т н а с в г р о з н ы й ч а с».

Город Симбирск, переименованный 9 мая 1924 года по постановлению ЦИК СССР в Ульяновск в ознаменование места рождения В. И. Ульянова-Ленина, расположен вдали от рабочих и промышленных центров.

Отдаленность города от пролетарских центров и слабость железно-дорожной сети, отсутствие сколько-нибудь развитой промышленности, не могли сделать Симбирск ареной массового революционного движения до самых дней Октябрьской революции.

Город Симбирск возник не как город торговли и промышленности, а как город военный: он был основан в 1648 году и представлял из себя крепость самодержавного Московского государства против восточных народов. Город был окружен в старину земляным валом и обнесен бревенчатой стеной. Да и впоследствии Симбирск никогда не играл роли крупного торгового или промышленного пункта, а всегда считался городом помещиков, дворян, типичным «дворянским гнездом».

Симбирская губерния являлась по преимуществу сельскохозяйственной губернией, помещичьей. В ней исстари было насаждено царским правительством помещичье землевладение, крупное хозяйство, основанное на крепостном труде угнетенных народностей (чуваш, мордвы, татар) или на труде поселенных здесь отдельными слободами «конных казаков» и «пахотных солдат» бывших симбирских полков. К концу XIX века в губернии насчитывалось более 1500 помещиков, большинство из которых праздно проводили лето и зиму в Симбирске.

Лесостепной и степной характер местности позволял широко развить скотоводство, в частности овцеводство. В результате этого одной из первых и возникла здесь грубошерстная промышленность, работавшая на местном привозном сырье. Разбросанные по селам бывшей Симбирской губернии текстильные фабрики, основанные помещиками на даровой крепостной рабочей силе, отличаются своей исключительной технической отсталостью.

Остальные отрасли промышленности точно так же были тесно связаны с переработкой продуктов сельского хозяйства: наиболее развитой из них была пищевкусовая промышленность—мельницы, винокуренные, крахмальные и пивоваренные заводы.

Крепостной труд, вино и пиво—неизменные спутники праздности, лени. К тому же город Симбирск как крепость никогда не видел под своими стенами внешних врагов: здесь только мечтали о войне, но не воевали.

Все это наложило на Симбирск отпечаток какого-то сонного города, что было отмечено еще поэтом Лермонтовым в поэме «Сашка» в словах: «сон и лень вполне Симбирском овладели».

Главным занятием большинства дворян, а им подражали и чиновники, были: охота, катания, балы и карте:кная игра. Город жил настоящей обломовщиной, жизнью Обломова, героя известного гончаровского романа, являющегося подлинной фотографией жизни тогдашнего симбирского дворянства.

Вот что пишет Гончаров (уроженец Симбирска) в пятой главе своего романа:

«Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином... по смерти отца и матери он стал единственным обладателем трехсот пятидесяти душ, доставшихся ему в наследство»...

Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки—это у него были синонимы; другая—из покоя и мирного веселья.

И далее в главе шестой мы читаем про Обломова: «Он любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города, щадит, казнит, оказывает подвиги добра и великодушия...»

Это отрывок из эпохи крепостного права, а вот любопытный штрих из книги другого автора Н. Никифорова «Симбирск и его общественная жизнь» (1888 г). характеризующий жизнь «столбового дворянства» в дни юности В. И. Ленина:

«Тлько шесть лиц в городе: голова, три члена управы, секретарь и директор банка,—пишет Н. Ники-

форов,—получают 14 930 рублей, т. е. сумму, вшестеро больше той, которая тратится на начальных учителей,—мало того, немного меньше той, которая отпускается на «благоустройство» всего города.

«Население тонет в грязи,—справедливо возмущается Н. Никифоров,—задыхается от навоза, так как через весь город идет овраг, наполняемый, по распоряжению управы же, навозом, и вот на расходы по санитарной части отпущено всего 1 руб. 40 коп. А тут же рядом—на заводку городских часов на Вознесенской колокольне и в камере присутствия—100 рублей».

В результате таких щедрых затрат на санитарные нужды за 12 лет (1875—1886 гг.) в Симбирске на 18 957 случаев рождений приходилось 20 359 смертей. Следовательно, в городе больше умирало, чем рождалось.

Эти факты показывают, что дворянство безраздельно господствовало и в городе и в деревне, но не заботилось ни о том, ни о другом; оно вело только роскошную и веселую жизнь: балы, обеды, азартные игры следовали одно за другим, так что «недоставало дней в неделе».

Для характеристики бесправного положения крестьян приведем судебное дело крестьян—татар села Мещеряки (Малая Цильна), Буинского уезда, возникшее в порядке межевого разбирательства о земле в количестве около 900 десятин. Возмутительное дело это началось в 1810 году и лишь через 43 года состоялось по этому вопросу решение, вынесенное, конечно, в пользу помещика. На этом волокита не закончилась: вся эта история тянулась до 1906 года, пока крестьяне самовольно не запахали и не заняли эту землю. Но тогда прибыли казаки, произошло столкновение, и в результате схватки 3 крестьянина были убиты и более 10 человек ранены.

Этот царско-помещичий строй, так уродливо проявивший себя особенно в Симбирской губернии, издавна уже вызывал протесты со стороны предовых слоев общественности и революционеров. Симбирская губерния—родина декабриста Ивашева, боровшегося за

уничтожение самодержавия и крепостного права, а также родина Ник. Ив. Тургенева, автора нашумевшей в свое время книги «Россия и русские», направленной против крепостного права и ратовавшей за освобождение крестьян.

А в 1866—1870 годах начались уже первые заметные вспышки крестьянских волнений, выразившиеся в поджогах помещичьих имений и экономий. Затем через десять лет появляются уже в губернии первые прокламации и революционные издания. В самом городе Симбирске, близ Соборной площади, на фонарном столбе была обнаружена в 1880 году революционная прокламация, которая начиналась такими словами:

«На развалинах нынешней цивилизации тунеядцев пролетариат построит новый мир—мир труда».

Эти освободительные и революционные настроения подогревались нередко теми воспоминаниями и преданиями о крупных исторических событиях, свидетелями которых были в прошлом укрепленные стены Симбирска.

Первое из них—это восстание Степана Разина, войска которого появились в 1670 году под Симбирском, чтобы расквитаться с произволом помещиков. Население Симбирска, главным образом пригородное, перешло на сторону Степана Разина и около года боролось за свободу, но восстание было подавлено. До 2000 жителей города за поддержку—войск Степана Разина подверглись жестоким казням.

Вторым таким крупным историческим событием, революционизировавшим симбирскую бедноту, был мятеж Емельяна Пугачова, разорившего не мало дворянских гнезд во время своего похода по губернии в 1774 году.

Многим симбирцам был памятен тот дом, где сидел в железной клетке закованный в цепи Емельян Пугачов. На широком красном здании ульяновского городского театра каждый может прочесть и сейчас надпись: «На этом месте находился дом, в котором в 1774 году был заключен Е. Пугачов». Отсюда Пугачев был увезен в Москву на казнь.

Третьим событием, имеющим уже всемирно-историческое значение, является рождение в дворянском Симбирске вождя пролетарской революции—В. И. Ульянова (Ленина). Он родился 10 (23 апреля) 1870 года в одном из флигелей на Стрелецкой улице, названной по имени стрельцов, охранявших в старину бревенчатую симбирскую крепость.

Здесь в Симбирске провел первые 17 лет своей жизни Владимир Ильич Ленин—будущий организатор первой пролетарской республики советов, великий учитель и вождь международного пролетариата.

Еще в 1887 году произошло событие, которое определило дальнейший путь В. И. Ленина. В марте этого года было подготовлено покушение на царя Александра III. Покушение было организовано «террористической фракцией партии народной воли», созданной в 1886 году Александром Ильичем Ульяновым—старшим братом Ленина.

А. И. Ульянова-Елизарова в своих «Воспоминаниях об Александре Ильчие Ульянове» пишет:

«Разделяя в общем взгляды Маркса, он и его товарищи не отошли еще, как и вся молодежь того времени, от народовольческих идей; они не видели вследствие особенного положения России возможности применять в ней практически социал-демократическое учение, хотя и считали социал-демократов своими ближайшими товарищами, как высказался в своей программе А. И. Уже не называя себя народовольцами, они взяли лишь название террористической фракции партии «Народной воли» именно затем, чтобы показать в данное время свое согласие с необходимостью террористической деятельности и, откладывая более подробное обсуждение программных разногласий, они стояли в то время как бы на перепутьи между народовольцами и социал-демократами».

Программа «террористической фракции» ставила целью—примирить теорию и практику народовольцев и социал-демократов.

Покушение царя Александра III не удалось, и члены кружка А. И. Ульянова были арестованы.

Через два месяца, 8 мая 1887 года Александр Ильич Ульянов (22 лет от роду) был повешен на дворе Шлиссельбургской крепости в числе других осужденных.

После этого Владимир Ильич окончательно решает отдать себя делу революционной борьбы. Но, если Александр Ильич как народоволец был сторонником методов террористической борьбы с самодержавием, то Владимир Ильич, положив в основу своей революционной деятельности учение К. Маркса, мечтает об организации массового революционного движения.

Вот эти исторические события и экономическое состояние города Симбирска и губернии и определили своеобразную его физиономию. На всем протяжёнии его истории борются две силы: крепостническая и революционная, самодержавие и социализм.

«Кто—кого»—этот вопрос, поставленный историей борьбы классов, должна была разрешить и разрешила пролетарская революция.

ПОДПОЛЬНЫЙ СИМБИРСК

Годом возникновения первой «Симбирской группы социал-демократов» считается 1903 год, когда группа стала получать «Искру» и другие революционные газеты и листовки. Работа носила уже тогда систематический характер. Второй с'езд партии (1903 год) застал группу работающей всерьез, но, в виду малочисленности, группа не смогла еще послать на с'езд своего представителя.

Однако, по свидетельству В. Рябикова—одного из активных организаторов группы, сведения о разногласиях на с'езде, благодаря связи с Самарой, быстро дошли до группы и основательно ее взбудоражили. «Противников ленинского централизма,—пишет В. Рябиков в своих воспоминаниях «Симбирские большевики»—у нас не оказалось, и наша группа фактически стала считать себя большевистской».

В 1905 году группа просвоила себе название «Симбирского комитета социал-демократической партии».

Партийный коллектив был тогда немногочисленен:

он состоял из типографких рабочих, рабочих чугунно-литейного завода, одиночек-железнодорожников и частично из интеллигентов (преимущественно учащихся).

В состав комитета входили в 1905 году следующие товарищи: Е. Парфенов, В. Орлов, А. Георгиевский, В. Рябиков и Ю. Кролюницкий (последний—студент Петербургской военно-медицинской академии,—он прислан был рядовым в местную воинскую часть). В этом же году в организацию вошли приехавшие для работы в земстве врачи: Д. И. Ульянов, З. Соловьев, С. Черномордик.

Комитет начинает организовывать массовки, местом для которых служили Обрезков сад или «Колки», а иногда «Венец». В массовках участвовало в среднем 40—60 человек, но иногда число участников достигало 200 человек.

К этому времени относится следующая характеристика политического состояния Симбирской губернии, данная губернским жандармским управлением (дело № 419 за 1905 год).

«В смысле политической неблагонадежности в 1905 году Симбирская губерния далеко превзошла неблагоприятный в этом отношении 1904 год, не говоря уже о прежних годах. Население губернии, преимущественно отличавшееся консерватизмом направления и безразлично относившееся к политическим и общественным вопросам, в отчетном году изменило свои характеры и смело работало на почве, враждебной для существующего государственного строя. Особенно отличались земства, некоторые из горожан, учащаяся молодежь, железнодорожные служащие и многие из крестьян.

Далее говорится в обзоре о том, что повсеместно устраивались митинги, на которых произносились зажигательные речи и раздавалась масса прокламаций.

Эта характеристика близка к истине. 1905 год представлял благоприятную почву для агитации и пропаганды. Неудачная русско-японская война революционизировала массы. Поражения флота и армий, пре-

дательство генералов, хищение интендантского имущества порождали среди населения враждебное отношение к власти. Агитация среди масс с каждым месяцем развертывалась.

Этому еще более стала содействовать полученная в начале 1906 года во время подвоза товаров к Симбирской ярмарке бостонка (типографская машина), которая могла печатать до 90 000 прокламаций в месяц. Началось массовое печатание прокламаций и листовок. Вот выдержки из некоторых документов партии, сохранившихся и напечатанных в сборнике истпарта—«1905 год в Симбирске».

В «Манифесте», подписанном центральными партийными организациями, но изданном в типографии симбирской группы РСДРП, говорится:

«Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученный изголодавшийся крестьянин не в состоянии платить налоги.

Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости и запасалось оружием. Иссякли иностранные источники—исчезли казенные заказы...

Правительство издавна все доходы государства тратило на флот и армию... Несмотря на это, нехватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране подымаются восстания обнищавшей голодной армии.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым...

Финансовое банкротство создано самодержавием, так же, как его военное банкротство.

Исход один—свергнуть правительство».

В другой листовке, напечатанной в количестве 10 000 экземпляров под названием «К гражданам города Симбирска», говорится:

«Надежды правительства восстановить самодержавие во всей его неприкрытой отвратительной наготе— потерпели крушение.

Правительство бессильно задавить революцию—.

Пресловуто-лживые манифесты и кровавые погромы, переполненные тюрьмы и веревка палача не могли задушить жажды свободы у рабочих, открыли глаза крестьянам в их борьбе за землю.

Пламя революции не потухло, оно ушло вглубь, оно охватило широкие народные массы...

Но враги народа не дремлют.

Правительство подготовляет новый обман.

Оно принимает все меры, чтобы обеспечить в Думе места изменникам народа, предателям народных интересов.

Как опытный шулер, оно хочет передернуть карты.

Оно хочет прикрыться именем народных представителей. Оно стремится наполнить Думу черносотенцами и попрежнему удержать в своих руках власть над народом для новых хищений, для новых казней, для новых погромов...

Сознательные рабочие-непримиримые враги самодержавия.

Ничто не в силах их остановить в начатой ими борьбе с царским правительством, в борьбе за землю и волю для всего народа».

Наряду с массово-агитационной работой началась и работа по организации профсоюзов: в 1906 году в Симбирске были созданы профсоюзы металлистов, печатников, пекарей, столяров, приказчиков и домашней прислуги. Вся работа в этих союзах велась по преимуществу членами Симбирской социал-демократической группы. На митингах стали уже появляться красные флаги с надписью:» Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

К концу лета 1906 года социал-демократическая группа была настолько уже сильна, что она получила

право послать своего делегата на пятый с'езд РСДРП; делегатом был избран Н. П. Брюханов, приехавший незадолго до выборов в Симбирск и сделавший впоследствии доклад о работах с'езда.

Однако к этому времени в Симбирск прибыл новый губернатор Старынкевич, от'явленный черносотенец. Полиция повела себя более решительно, чем прежде, как бы вызывая на конфликт. А в связи с угрозой эсеров убить этого губернатора-помпадура, к которому был на дом доставлен саван, начались даже повальные обыски.

Во второй половине сентября эти обыски были произведены и у членов социал-демократической группы, причем полицией была захвачена партийная печать и явки, пароли и адреса Самарской и других организаций. Пришлось многим активным членам комитета выехать из Симбирска, передав дело вновь избранному комитету.

Начавшиеся репрессии еще более усилились, когда 21 сентября 1906 года эсеры привели в исполнение свою угрозу: в этот день брошенной бомбой был убит симбирский помпадур Старынкевич.

Тюрьмы переполнились арестованными, начались бесконеные суды, высылки, каторга и расстрелы. Это нанесло сильнейший удар социал-демократической организации, но она не погибла сразу, а продолжала еще вести революционную работу.

В 1907 г. Симбирская организация социал-демократов начинает даже издавать еженедельную газету-журнал «Наши дни», выходившую с 11 марта по 28 апреля, размером от 4 до 16 страниц.

Все эти годы организация являлась несомненным руководителем в борьбе с самодержавием и сумела вовлечь в состав с.-д. кружков рабочих. И хотя организация считалась об'единенной с меньшевиками, но никогда руководящая линия не выпускалась из рук большевиков: вплоть до провала Симбирская организация была определенно большевистской.

В августе—сентябре 1907 года начались массовые аресты. Эти аресты происходили точно по плану; всех

поражала осведомленность жандармских офицеров в вопросах партийной жизни. Ясно было, что в рядах организации были провокаторы. Это предположение потом и подтвердилось. Такими провокаторами оказались—Сергей Миртов, прозванный за свою начитанность «брошюркой на двух ножках», и рабочий типографии местной газеты «Волжские вести» Е. Федоров, который снабжал тогда партийную типографию шрифтом, а впоследствии провалил ее (Федоров был осужден в 1918 г. ульяновским ревтрибуналом и приговорен к изгнанию из пределов республики).

Реакция с каждым месяцем усиливалась. Много погибло тогда борцов за дело освобождения, много было пролито крови рабочих.

После такого сильного разгрома Симбирская группа РСДРП не смогла оживить своей работы, работа заглохла и вновь началась только через 10 лет,—в 1917 году, когда революция смела царско-помещичий строй и установила во всей стране советскую власть.

Большевизм победил в конце концов самодержавие, остатки крепостничества, обломовщину. Но в Симбирске эти корни, так называемые «вековые устои», были настолько прочны, а оголтелое мещанское самодовольство так сильно, что пришлось еще 1½—2 года вести ожесточенную борьбу, чтобы окончательно утвердить в Симбирске—на родине Ленина—власть советов

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

После подавления революции 1905 года в Симбирске наступило относительное затишье. Однако сочувствие рабочих масс было на стороне революционеров. Об этом свидетельствует, например, обязательное постановление от 25 июня 1914 года, воспрещавшее под угрозой штрафа и ареста сбор денег на поддержание забастовщиков и в пользу ссыльных.

Наконец недовольство масс властью выражалось в виде протеста и вспышек возмущения. В июле 1914 года в Сенгилее во время призыва запасных вспыхнули беспорядки. Произошло вооруженное столкновение.

А в 1915 и 1916 годах происходили беспорядки среди призываемых в Алатыре, Ардатове, на станции Инза.

Затянувшаяся мировая война, сопровождавшаяся экономическим кризисом, еще более вызывала недовольство в массах. На почве продовольственных затруднений стали происходить настоящие бунты. Наиболее характерным выступлением масс был, например, «сахарный бунт», вспыхнувший в Симбирске 4 июля 1916 года.

Толпы народа, недовольные раздачей сахара в очередь, стали громить склады сахара местных торговцев. Подверглись разгрому четыре магазина.

Произошло вооруженное столкновение с полицией, в результате которого было 15 убитых и раненых.

На следующий день было введено в городе положение чрезвычайной охраны с 5 до 9 июля.

Было воспрещено выходить из квартир и вообще находиться на улицах и площадях после 9 часов вечера до 3 часов утра. Виновные в нарушении этого подвергались в административном порядке заключению в тюрьме или крепости до 3 месяцев или денежному штрафу до 3 тысяч рублей.

Все эти факты—яркий показатель того, что перед Февральской революцией даже в глухой провинции назревало в массах брожение, недовольство.

Тем не менее Февральский переворот в Симбирске произошел с большим опозданием. Только 5 марта была разоружена полиция, почти до 10 марта работала жандармерия. Об'ясняется это тем, что большевистских организаций, за исключением Сызранской, в губернии не было. В годы реакции и мировой войны все революционные организации были уничтожены.

Сообщения же, получаемые по телеграфу из Петрограда, тщательно скрывались. Казенные печатные органы «Губернские ведомости» и «Симбирянин» замалчивали происходящие события.

Лишь 5 марта была опубликована телеграмма № 6175 от 3 марта, поступившая в Симбирск из Казани на имя губернатора. Эта телеграмма в очень осторожных выражениях информировала население так:

«Временным правительством в Петрограде принимаются меры для водворения порядка в столице. В Москве наступило успокоение. Начальник штаба верховного главнокомандующего просит принять все необходимые меры для избежания эксцессов».

Далее в телеграмме говорилось, что «государь император соизволил подписать акт об отречении от престола с передачей такового великому князю Михаилу Александровичу».

По этой телеграмме получилось так, что вместо Николая на престол посажен Михаил, а все остальное как будто осталось по старому. Однако всем стало ясно: произошел переворот, царское правительство сметено.

На улицах началась волна демонстраций. Из тюрем были освобождены политические заключенные.

Вскоре из представителей думы и земства был сорганизован губернский комитет, всеми силами стремившийся оградить интересы буржуазии.

Лишь в 10-х числах марта был создан совет рабочих и солдатских депутатов, в состав которого вошло 90 представителей: из них 50 процентов было беспартийных, 30 процентов социал-демократов и 20 процентов эсеров. Этот совет вел явно соглашательскую линию. Вскоре было опубликовано «Воззвание к населению Симбирской губернии», в котором было осторожно сказано: «Граждане! Старая правительственная власть пала, и новая народная власть вступила в управление страной. Долг каждого притти теперь на помощь родине—поддержать порядок и не совершать самоуправных действий».

И вот «люди порядка и твердой власти», ставшие у кормила правления, пытаются обработать общественное мнение, стремясь особенно подчинить своему влиянию крестьян.

20—21 марта был созван в городском театре с'езд представителей волостей и кооперативов Симбирской губернии под председательством князя С. М. Баратаева, названный «крестьянским с'ездом». Хотя с'езд происходил при участии 548 делегатов, но представительства от бедняцко-середняцких масс крестьянства

на с'езде не было. Было создано буржуазией все, чтобы устранить бедноту от власти.

Даже для выборов членов губернского комитета было сделано ограничение. «Представители крестьян в комитете обязаны будут жить в г. Симбирске на собственные средства»—сделал сообщение губернский комиссар. Это открывало путь к власти только кулацко-зажиточной части деревни.

С'ездом руководили явно реакционные элементы, что видно из ряда фактов. Когда раздались голоса о заключении мира с Германией, то губернский комиссар А. Ф. Головинский сказал:

«Граждане! Мы заключим мир только тогда, когда в Германии и Австрии будет такое же народное правительство, как и у нас».

На с'езде раздавались даже явно черносотенные речи: «Война не должна быть закончена... до полного осуществления державных прав Великой России на проливы и Константинополь, как ключ от собственного дома...»

Бурное волнение на этом с'езде вызвало предложение одного делегата «об удалении памятника Столыпина, воздвигнутого симбирским дворянством».

Очевидно было для всех, что на с'езде, возглавляемом князем Баратаевым, все еще царствовала рука столбового симбирского дворянства, продиктовавшего ряд контрреволюционных предложений.

Вот что «князья» и кадеты предлагали симбирскому крестьянству в своей резолюции от имени с'езда:

— «Представители населения Симбирской губернии, —говорится в резолюции с'езда,—собравшись на организационный с'езд 20 марта 1917 года, приветствуя Временное правительство, заявляют, что война должна быть доведена до победного конца и мир должен быть заключен в полном согласии с нашими союзниками...»

«Окончательное разрешение земельный вопрос должен получить после созыва Учредительного собрания..» («Крестьянский с'езд Симб. губ. 20—21 марта 1917 г., протоколы и резолюции»).

Такая же работа открыто велась и в городе. К выборам в Симбирскую городскую думу социал-демократы выпустили свою «муниципальную программу», в одном из пунктов которой было выставлено требование:

«Сосредоточение всей местной власти в руках городской думы».

В лице «новой» городской думы социал-демократы стремились создать местный политический центр, но ни слова они не сказали в программе о советах, как будто бы их и не существовало.

Кстати отметим, что первыми организациями после свержения царизма в Симбирске возникли профсоюзные организации. 6 марта был организован союз почтово-телеграфных служащих, а 7 марта союз печатников. Затем в том же месяце организуются союзы—торгово-промышленных служащих, пекарей, закройщиков и др.

Партийные же организации оформлены были только в апреле: первыми появились комитеты эсеров, социал-демократов (об'единенный комитет) и народных социалистов. Большевистского комитета в Симбирске в то время еще не было, были только одиночки большевики. В совете рботали три большевика: тт. М. А. Гимов, Никитин и Гафуров*.

В губернии наиболее активно проявляли себя большевики только в Сызрани; там комитет большевиков был уже настолько силен, что стал издавать газету «Товарищ», выходившую два—три раза в неделю.

Большевики главное внимание обратили в это время на профсоюзы. В результате этой работы вновь организованные профсоюзы (металистов, кожевников, домашней прислуги, официантов и др.) целиком приняли большевистскую платформу и стали бороться за осуществление лозунга «Вся власть советам».

Солдатская же масса, которой насчитывалось в Симбирском гарнизоне несколько десятков тысяч, с

---

* М. А. Гимов умер в 1922 г., Никитин—тоже умер, а Гафуров является в настоящее время членом ЦИК Татреспублики.

первых же дней революции заявляла, что она против войны и против буржуазной власти (особенно 42-й и 46-й полки).

Вслед за городом революционные события бурно развернулись и в деревне. Повсеместно начались аграрные выступления. Крестьяне захватывали земли помещиков и отрубщиков, лишали наделов хозяев, обладавших крупными земельными участками, воспрещали вывозить лес из удельного ведомства.

Кипами поступали в город телеграммы от землевладельцев с мольбой о защите. Губкомиссаром посылались на места воинские части, отправлялись агитаторы, убеждавшие передать решение земельного вопроса Учредительному собранию, но крестьянство не уступало ни уговорам, ни силе.

По неполным данным, за 1917 год в Симбирской губернии было 332 случая захвата инвентаря и земли, 78 лесорубок и 71 случай разгрома имений.

Помещики один за другим изгонялись из насиженных мест. Крестьяне не хотели ждать учредительного собрания, и когда 15 мая состоялся первый, действительно крестьянский с'езд Симбирского уезда, то несмотря на ожесточенное сопротивление эсеров, все же была вынесена резолюция о немедленном переходе земли крестьянам.

Таким образом деревня была за советы и твердо заявляла о своих правах на всю землю бывших помещиков.

Таковы те силы, которые были на стороне советской власти в предоктябрьские дни. Однако, параллельно этому шла мобилизация и контрреволюционных сил. В июле 1917 года в Симбирске был организован так называемый «Комитет спасения родины и революции» —буржуазная организация, ставившая целью борьбу с советской властью.

Повсеместно буржуазия собирала свои силы и укрепляла буржуазные органы самоуправления. На средства симбирского биржевого комитета выпускалась газета «Симбирске слово»—орган местных меньшевиков.

Соглашательские партии—эсеры, меньшевики—помогали буржуазии, и когда 11 сентября был созван первый губернский с'езд советов, они добились принятия резолюции о поддержке Временного правительства и о сотрудничестве с буржуазией.

Однако 15 сентября создается временный комитет партии большевиков и широко развертывается массово-раз'яснительная работа в гарнизоне и в производственных союзах. А в ноябре месяце было выпущено 8—9 номеров первой большевистской газеты «Симбирской правды». Завязалась связь с центральным комитетом партии. И в Симбирске, хотя и с некоторым опозданием, стал твердо обсуждаться вопрос о захвате власти советом. Город стоял уже накануне классовых боев.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

До эвакуации из Петрограда в Симбирск завода № 3, во время империалистической войны, в городе не было крупных промышленных предприятий. Старейший из заводов «Металлист», по свидетельству коменданта его зданий И. В. Иванова, по списку насчитывал до 200 рабочих, а на самом деле имел только 46 рабочих. Остальные были сыновья купцов, укрывавшиеся от войны,—они числились по спискам работающими на оборону, но фактически не работали (ежемесячно они приходили расписываться в ведомости в получении зарплаты, но «зарплата» их шла в карман управляющего).

Таким образом пролетариата в городе было сравнительно мало, да и тот был связан с мелким индивидуальны хозяйством.

Симбирская губерния попрежнему оставалась крестьянской по преимуществу, не промышленной. Вот почему Симбирск в дни Октябрьской революции оказался в руках соглашательского совета, в руках эсеров, игравших в то время крупную роль в Симбирске. И вот почему борьба за лозунг «Вся власть советам», борьба, начавшаяся в Симбирске одновременно с московскими событиями, приняла затяжной характер и закончилась только в январе 1918 года.

На пути социалистического строительства в Симбирске было много всевозможных препятствий, которые ставились мелкобуржуазными партиями—правых и «левых» эсеров. Они пользовались тем, что партийная организация большевиков в то время существовала в зародыше, и усиленно готовились к выборной кампании в Учредительное собрание.

Правда, еще до получения первых известий из центра о переходе власти в руки советов в Петрограде и Москве, состоялось в Симбирске бурное выступление воинских частей, назначенных к отправке на фронт. В самый день 25 октября солдаты местного гарнизона, которых насчитывалось в городе не менее 10 тысяч, вышли на улицу с решительным протестом против войны и против соглашательской политики совета.

Однако революционную энергию солдатских масс не сумели использовать в Симбирске для изменения состава совета и обновления его действительными сторонниками советской власти—большевиками и рабочими. Волнения солдатских масс после разгона соглашательского совета вылились в разгром магазинов.

Контрреволюционные элементы воспользовались стихийностью солдатской демонстрации и спровоцировали солдат на разгром винных складов, обилием которых всегда славился Симбирск. Захватив эти склады, контрреволюционеры спаивали население и солдат и создавали банды для борьбы с советской властью.

Пришлось совету создать военно-революционный комитет, которому потребовалось три дня для того, чтобы восстановить нормальную жизнь в городе. Стихийное выступление солдатских масс однако ни к чему не привело: попрежнему власть сохранилась в руках соглашательского совета, который просуществовал еще несколько месяцев.

Партийная организация большевиков в то время была слаба и немногочисленна. По свидетельству В. М. Кадышева, вся симбирская группа большевиков в дни Октября и до марта 1918 года состояла только из десятка товарищей. Хотя первый временный большевистский комитет был избран 15 сентября, но вся

то организация большевиков к Октябрьским дням состояла из нескольких человек—тт. М. А. Гимова, Сухова, Крымова, А. В. Швера, Никитина, Преснова, Моторина, Стадникова и др.

Единственным местом главного скопления рабочих масс был завод № 3. Сюда и было обращено особенное внимание губернского комитета партии. Первым пионером заводской партийной организации был тов. М. А. Гимов, который пользовался большим влиянием и авторитетом среди рабочих. Он был и первым делегатом от завода № 3 в Симбирском совете.

Начиналась выборная кампания в Учредительное собрание. Чувствовалось, что большевистское настроение на заводе крепло: каждый день во всех мастерских завода происходили митинги, на которых обсуждался вопрос о захвате власти советом. Усилился приток рабочих в организацию, стала создаваться на заводе «красная гвардия».

Но в городе все еще были сильны соглашательские партии, трогательно об'единившиеся с буржуазией и подготовлявшие успех своим кандидатам при выборах в Учредительное собрание. Дело доходило до того, что жены чиновников ходили по рабочим постам и предлагали карточки за Учредительное собрание, а стоя около лотерейных ящиков, они показывали несознательным:

— Вот сюда клади...

Так собирались голоса за «Учредилку«.

Орудуя под крылышком тех же социал-соглашателей, буржуазия и все торговцы собрались в начале ноября к собору, а затем двинулись по городу с иконами и, спекулируя на религиозных чувствах, агитировали за учредительное собрание.

В выборах приняли участие до 50 процентов избирателей. В Симбирске голосование дало следующие результаты: было подано голосов за эсеров 5 857, за кадетов—4 000 и за большевиков—3 815

Хотя большевики получили меньше голосов, чем кадеты и эсеры, но для буржуазно-мещанского и дворянского городи эти 3 815 голосов представляли боль-

шую победу для большевиков. Массы революционизировались.

Видя это, буржуазия старается предпринять новые шаги, чтобы до созыва Учредительного собрания удержать власть в своих руках. По инициативе владельца симбирского театра Басманова делается попытка организовать новое буржуазное правительство под громким названием «Симбирский парламент». Парламент этот рассматривался, как орган борьбы с диктатурой пролетариата, необходимый до созыва Учредительного собрания.

Первое заседание губернского «парламента» состоялось 23 ноября. В своей «программной» речи Басманов об'яснял необходимость создания «Симбирского парламента» отсутствием в губернии твердой власти. На этом заседании был зачитан и проект, который разрабатывался две недели. В «парламенте» рабочим отводилось только 15 мест, а для буржуазии предназначались остальные 52 места. Этот проект ясно показывает, что под крылышком демократии буржуазия пыталась еще раз сохранить власть помещиков и капиталистов.

Однако на третьем своем заседании этот мертворожденный «парламент» столкнулся с отсутствием двух третей своего состава и вскоре после этого окончил свое бесславное существование.

В это же время, в конце ноября, партийная организация большевиков развернула широкую агитационно-массовую работу. С утра до ночи происходили собрания и митинги в казармах и на заводах, где ставился вопрос о переходе власти в руки советов и везде вербовались сторонники комитета большевиков, который взял в это время правильный курс на профсоюзы. В городе было 23 союза, из них главные—металлисты, текстильщики, строители, печатники и домашняя прислуга. Большинство производственных союзов стало к этому времени на сторону большевиков.

Большевики всюду собирали активные силы. В распоряжении организации большевиков до этого находился лишь небольшой отряд красногвардейцев в

составе 50 человек, организованный из рабочих завода № 3, но завод отделяется от города Волгой, что затрудняло связь с отрядом. Другой силой, на которую опирались большевики, был так называемый «союз эвакуированных воинов-фронтовиков».

Наконец, в Симбирск прибыл 102-й полк фронтовиков. Настроение солдат было революционное. За исключением верхушки офицерства полк целиком был на стороне советской власти и каждую минуту готов был выступить с оружием в руках на защиту советов.

Это значительно изменило соотношение классовых сил в Симбирске. Силы пролетариата росли, и 10 декабря (по старому стилю) созывается многолюдное собрание профсоюзов и делегатов от гарнизона. На этом собрании обсуждалась резолюция о передаче власти советам.

Рабочие и гарнизон единогласно высказались за эту резолюцию, только представители исполнительного бюро крестьянской секции (все правые эсеры) оставались на прежней позиции—за Учредительное собрание. Собрание рабочих и солдат поручило совету взять власть и выделить революционный комитет.

К этому времени совет избавился от засилья соглашательских элементов. Под руководством большевиков была успешно проведена кампания отзыва из совета соглашательских депутатов. Рабочие и солдаты заменяли депутатов—эсеров и меньшевиков, как не оправдавших доверия избирателей, большевиками или сочувствующими им.

Таким путем в совете было создано большевистское большинство. К январю в совете сколачивается кадр активных работников и создаются немногочисленные, но стойкие отряды красной гвардии, которые помогли ликвидировать эсеровские гнезда и буржуазную думу. Затем было приступлено к редактированию большевистской газеты в Симбирске «Известия совета», первый номер который вышел 9 января 1918 года.

Наконец в 20 числах января 1918 года состоялся 5-й губернский крестьянский с'езд советов. Делегаты прибыли на с'езд с наказами от крестьян. По сводке

было 149 наказов. Большинство из них—65 наказов—высказались за власть советов, 36 наказов—за Учредительное собрание, 16—колеблющихся и 32 наказа—без указания, кому должна принадлежать власть. Однако даже и в тех наказах, которые стояли за власть Учредительного собрания, были указания на необходимость изгнания из Учредительного собрания представителей партии «народной свободы» (кадетов) и выражалось доверие Учредительному собранию постольку, поскольку это будет отвечать требованиям трудового народа.

Когда же открылся с'езд, то при обсуждении доклада о текущем моменте (в частности о разгоне Учредительного собрания) ни один из представителей с мест не высказался в защиту Учредительного собрания и даже самая идея Учредительного собрания вызывала протесты со стороны с'езда, за исключением небольшой группы делегатов.

Обсудив вопрос о власти, 5-й губернский крестьянский с'езд советов 23 января 1918 года признал, что Учредительное собрание своим отказом признать власть трудового народа, т. е. власть советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также утвердить последние декреты о земле, о рабочем контроле и другие, выявило свою контрреволюционную сущность.

«Поэтому 5-й губернский крестьянский с'езд советов, —говорится в резолюции,—признает роспуск Учредительного собрания Центральным исполнительным комитетом правильным.

Отныне власть должна принадлежать всему трудовому народу в лице советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов как в центре, так и на местах.

Резолюция была принята подавляющим большинством голосов. По свидетельству И. С. Долникова, подано за резолюцию—204 голоса против—50 и воздержалось 15.

С этого времени в городе и в губернии началась коренная перестройка: ставленники Временного правительства отстраняются, губернское земство ликвиди-

руется, создаются губернские отделы при совете (по тогдашнему комиссариаты).

Вся власть полностью перешла в руки советов.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РАБОТЫ СОВЕТОВ

С первых дней работа Симбирского совета и обновленного губисполкома налаживалась плохо. С 26 декабря по 12 января в городе проходила забастовка во всех учреждениях, проводимая так называемыми «Бюро единения».

В «Бюро единения» входили наиболее реакционные профсоюзы, об'единявшие служащих правительственных учреждений, городского самоуправления, продовольственной управы, уездных земских самоуправлений, лесозаводов, инженеров и техников, юристов. Эта организация, руководимая контрреволюционерами, ставила своей задачей «борьбу с советской властью и помощь всем враждебным ей организациям».

Забастовка была прекращена только после того, как совет пред'явил требование немедленно прекратить саботаж, предупредив, что в противном случае все служащие будут лишены права поступить в советские учреждения. Это подействовало.

Тем не менее губисполком продолжал свою работу в условиях ярко выраженной вражды к советской власти.

«Население города,—пишет в своих воспоминаниях бывший тогда товарищем председателя губисполкома И. Абросимов,—за исключением рабочих, которых очень и очень мало, было враждебно настроено к советской власти и, понятно, атмосфера была натянутой». Реальной силы в распоряжении губисполкома было всего-навсего 42 красногвардейца. Поэтому президиум губисполкома был озабочен вопросом о создании реальной силы и в первую очередь вооружил всех членов губисполкома, которых тогда было 40 человек. Впоследствии из красногвардейцев начали организовывать красную армию, но сюда на командные должности в большинстве пролезли старые офицеры, которые

одновременно состояли в контрреволюционных организациях, так называемых—«Общество спасения родины», «Общество русского офицерства и юнкеров и т. д.

Помимо этого до самой середины февраля 1918 года существовало в Симбирске такое крупное гнездо контрреволюционеров, каким был Симбирский кадетский корпус, соблюдавший попрежнему все дворянские традиции, несмотря на существование советской власти в городе.

«В это время кадетский корпус,—пишет в своих воспоминаниях В. М. Кадышев, бывший красногвардеец и политкомиссар 1-й симбирской рабочей бригады,—насчитывал до 400 кадетов... Вокруг них группировались офицеры, не только преподаватели, но и офицеры, сбежавшие с фронта,—их было в Симбирске свыше тысячи человек».

Царское офицерство группами ходило в кадетский корпус, что наводило на подозрения.

Одновременно с офицерством контрреволюционную работу повело и духовенство. 26 января на собрании городского духовенства было обсуждено воззвание партриарха Тихона. Духовенство на этом собрании вынесло черносотенное решение: «отстоять веру и помочь родине высвободиться от захватчиков власти, всюду проявляющих насилие над всеми и в частности над православной церковью».

Было даже признано «более благоразумным и справедливым лечь костьми, чем жить в позорном подчинении и придавленности».

На том же собрании было постановлено отпечатать воззвание партриарха и разослать по епархии «для прочтения его на церковной кафедре».

Действительно, вскоре это воззвание патриарха Тихона, призывавшее к борьбе за веру, было напечатано в типографии А. Т. Токарева, без разрешения комиссара по делам печати.

Вскоре после этого в городе были разбросаны погромные прокламации, натравливавшие на евреев.

Вот те условия, в которых приходилось работать

обновленному большевистскому «совнаркому». Это было время двоевластия, когда наряду с советом существовала попрежнему буржузная городская дума, не желавшая вступать ни в какие переговоры с советом и требововшая немедленного возобновления работ Учредительного собрания, прекращения гражданской войны и организации «всенародного отпора наступающему врагу, идущему погубить отечество и все завоевания революции», как говорилось в резолюции от 14 февраля.

Классовый враг не дремал, он открыто собирал силы. Поэтому необходимо было губисполкому перейти к решительным действиям, что и было сделано в феврале месяце.

23 февраля 1918 года постановлением совета городская дума была распущена. Незадолго перед этим типография Токарева была об'явлена национальной собственностью и перешла в распоряжение совета, а бывший владелец типографии был арестован за то, что напечатал контрреволюционное воззвание патриарха Тихона.

Одновременно с этим ликвидировано было и другое гнездо контрреволюции—кадетский корпус. В феврале было проведено разоружение кадетов. Это дело было поручено отряду красногвардейцев под руководством коммуниста А. З. Жукова.

Вот как описывает это событие в своих воспоминаниях сам Жуков.

«В зимнюю ночь двинулись все бесшумно. Я с отрядом в 30 человек подошел к главному входу. Стеклянные двери были заперты. Кричу:

— Отпирай!

На стук бежит швейцар:

— Не отопру, не велено... и хотел уйти наверх по лестнице.

Мешкать нельзя было: он мог поднять тревогу.

— Ну-ка, молодцы, навались,—говорю я. Сразу заняли все входы. Я скомандовал:

— Ни с места!.. Отбираем оружие...

Кадеты всполошились, стали вставать.

— Не сопротивляйтесь, иначе будем стрелять!— закричал я.—Ложись!...а завтра с утра раз'езжайтесь кому куда, на все четыре стороны...»

Так был разоружен кадетский корпус. Красногвардейцы собрали два воза оружия и увезли его в штаб отряда. А на следующий день был отдан за подписью председателя губисполкома товарища Гимова приказ о том, что кадеты распускаются, кадетский корпус упраздняется и предложено всем учащимся немедленно раз'ехаться по домам.

После этого положение совета стало прочнее, тем более, что начали уже организовываться зачатки Красной армии—оплота советской власти. Первыми откликнулись на призыв о создании Красной армии рабочие текстильщики. Уже 23 февраля правление профсоюзов текстильщиков Поволжского района, обсудив вопрос «об об'явлении народными комиссарами социалистического отечества в опасности и о необходимости обороны от наглых попыток мирового капитала», постановило:

«Организовать социалистическую Красную армию из числа рабочих текстильщиков Поволжского района. В этих целях поручить товарищу Гладышеву организовать Красную социалистическую армию и образовать основной фонд из среды профсоюзов».

Эта резолюция текстильщиков свидетельствует о том, что рабочие-текстильщики уже осознали необходимость перехода от партизанских отрядов Красной гвардии к организации Красной армии, но они мыслили образование армии из «среды профсоюзов», пытаясь создать отдельные небольшие революционные отряды «текстильщиков Поволжского района».

В тот же день—23 февраля 1918 г.—был опубликован декрет советского правительства, который заменил добровольческий призыв обязательной военной службой. С этого дня и положено начало строительства Красной армии, хотя до момента создания первой крупной регулярной советской дивизии прошло еще пять месяцев.

Вскоре после опубликования декрета о Красной

армии штаб Красной гвардии был расформирован в Симбирске и в марте было положено начало организации первых частей для Красной армии. Из симбирских красногвардейских отрядов были сформированы первые роты, батальоны и организованным маршем отправлялись на фронт. При этом многие работники красногвардейского отряда заняли командные должности—политсостава и комсостава в первых батальонах и полках Красной армии, с честью отстаивавших Волгу.

Однако в большинстве случаев на командные должности пролезли старые офицеры, которые одновременно состояли членами контрреволюционных организаций. Это приводило иногда к враждебным выступлениям против советской власти. Был, например, такой случай, когда красноармейцы, споенные контрреволюционерами, пришли с оружием в руках к губисполкому, чтобы разгромить его и только, благодаря настойчивым уговорам товарищей П. Х. Гладышева, Самарина и других, они разошлись по казармам. В марте был даже открыт заговор контрреволюционной организации, подготовлявшей покушение на активных большевиков.

В связи с этим была произведена в красноармейских частях чистка от контрреволюционных элементов и в частях гарнизона полная реорганизация.

В это время Красная армия особенно нуждалась в своих преданных и опытных командирах. Поэтому для подготовки своих классовых рабоче-крестьянских командиров в марте уже была создана в городе Симбирске «школа инструкторов РККА», которая впоследствии была переименована в краснознаменную школу имени Ленина, удостоенную за свои боевые заслуги высшей награды—ордена Красного знамени.

Попутно были введены в городской организации большевиков строевые занятия и ночные обходы по городу. Симбирская организация большевиков в марте уже выросла до 60 человек. Прибыл ряд активных работников.

Силы большевиков особенно выросли, когда в Сим-

бирск были направлены остатки 29-й дивизии, эвакуированной из Финляндии, согласно Брестского договора, в одном из пунктов которого было сказано, что «все русские войска немедленно должны покинуть пределы Финляндии». Во время войны здесь были сформированы маршевые роты для пополнения этой дивизии и здесь было оставлено на хранение их имущество, почему и были направлены в Симбирск остатки демобилизующейся дивизии.

В апреле было созвано общее собрание партийной организации, где был поставлен вопрос о перевыборах комитета. В новый комитет вошли товарищи А. Швер, М. Гимов, И. Прытков, Крымов, В. Фрейман, Аленин, Каучуковский.

20 апреля был организован организационно-агитационный отдел во главе с товарищем И. Прытковым, и начался после этого более правильный прием и запись в члены партии. Одновременно повелась упорная борьба с левыми эсерами за овладение печатью, борьба за руководство газетой «Известия»—органом губернского совета. Влияние соглашательских партий в это время было сильно у железнодорожников Ульяновского узла и у текстильщиков.

Наконец, в конце апреля прибыл Иосиф Варейкис*, который как марксист-теоретик значительно подкрепил организацию. С его приездом газета стала в полной мере отражать тактику и политику коммунистической партии, а партийная организация стала завоевывать авторитет в массах.

«Варейкис—это особенный человек,—пишет в своих воспоминаниях П. Брунов,—это человек, который имел громадную силу воли, колоссальную энергию. Варейкис был для нас командиром, редактором, политическим руководителем и добрым сердечным товарищем. Все ему глубоко верили и искренне надеялись,—и на каком бы участке ни появлялся Иосиф Варейкис, там были значительные успехи».

---

* В настоящее время И. М. Варейкис является ответственным секретарем крайкома ВКП(б) Центрально—Черноземной области

К приезду И. М. Варейкиса (из Кеменец-Подольска) губисполкому представилась возможность уже ближе подойти к вопросам социалистического строительства. Уже 2 апреля 1918 года согласно закона о социализации земли были ликвидированы в Симбирской губернии помещичьи владения в пользу крестьян.

Симбирская губерния, как помещичья губерния из 2 640 441 десятин удобной земли насчитывала в то время нетрудовых земель 598 254 десятины. Из них было передано крестьянам 393 387 десятин и зачислено в запасный фонд—204 867 десятин. Всего было национализировано 272 помещичьих хозяйства.

Первоначально губернская норма была установлена в 1,5 десятины удобной земли на едока, но после фактического учета земли и населения была установлена земельная норма в Симбирском уезде в 1,45 десятины на едока, а общегубернская по восьми уездам в 1,25 десятины (всего земледельческого населения насчитывалось в губернии 2 013 370 душ).

Таким образом земельный вопрос был разрешен, и работы по временному распределению земли были закончены к концу мая.

В том же мае месяце возник совет народного хозяйства, который развернул свой аппарат и принялся за восстановление заводов и фабрик, положение которых являлось катастрофическим.

Все предприятия губернии за время с мировой войны были связаны с поставкой для нужд обороны страны, работали без всякого ремонта в три смены, машины были изношены, а рабочие изнурены. После Октябрьской революции специалисты отошли от работы или частично были удалены. Заменившие же их партийцы и профработники постоянно снимались с работы на другие ответственные посты и на фронты гражданской войны.

Путем анкет о предприятиях, закрывшихся или сокративших свое производство, статистическому отделу удалось весной 1918 года получить следующие сведения: из 146 предприятий, работавших в губернии в 1917 году, было закрыто 30 предприятий. Некоторые

из них приостановили работу лишь временно. Наибольший процент закрытий пал на мельницы—их было закрыто 14. Кроме того на двух суконных фабриках работа производилась в половинном размере.

Главной причиной закрытия или сокращения производства, как выяснило статистическое обследование, явилось—отсутствие сырья, финансовые затруднения и нехватка топлива.

К этому надо добавить и то, что продовольственные магазины были пусты. Фабриканты до сдачи своих позиций из'яли деньги из банков и успели многое разрушить на фабриках.

Положение еще более обострялось в связи с возраставшей безработицей: по данным Симбирской биржи труда весной 1918 года насчитывалось 9 150 безработных. Массы безработных положительно осаждали профсоюзы, комиссариат труда и совет.

Но рабочие под руководством партии большевиков проявили героические усилия в борьбе с безработицей и в деле восстановления промышленности. Рабочие сами заботились о снабжении фабрик сырьем, продовольствием и деньгами.

Одновременно был введен строгий контроль за соблюдением восьмичасового рабочего дня. Все сверхурочные работы отменялись.

Снимались с работы также военнопленные, занятые на каких-либо работах, а на ихместо ставились безработные.

Профсоюзы делали отчисления в пользу безработных и организовывали бесплатные столовые для безработных членов союза.

Все делалось для борьбы с безработицей и для восстановления местной промышленности. Но не успели советские, партийные и профессиональные организации как следует развернуть своей работы, как Симбирск переходит в руки чехо-словаков и «учредиловцев».

Симбирск стал ареной ожесточенной гражданской войны.

ЧЕХО-СЛОВАЦКАЯ АВАНТЮРА

В первые дни существования советской власти пришлось столкнуться с большими трудностями. Это побудило советское правительство заключить 3 марта 1918 года Брестский мир с Германией в расчете на то, что и самая Октябрьская революция и факт ведения переговоров ускоряет революцию на Западе.

Немцы ультимативно потребовали тогда оставления за собой Польши и Литвы, большей части Латвии и части Белоруссии, претендовали также на Донбасс и Украину.

Но, чтобы дать стране передышку для социалистического ее переустройства, Ленин настаивал на заключении мира, при одном лишь условии: сохранении советской власти.

Несмотря на такие тяжелые условия, мир с Германией был заключен. Этот Брестский договор вызвал бурю негодования среди левых эсеров и всех сторонников Учредительного собрания. Даже многие коммунисты были против заключения «постыдного» договора. Но прав был гениальный революционный стратег Ленин: Брестский мир выполнил свою основную задачу—сохранить диктатуру пролетариата и советскую власть. Впоследствии, в связи с революцией, вспыхнувшей в Германии, ВЦИК анулировал 13 ноября 1918 года Брестский договор.

Однако никто этого не предвидел в марте. Контрреволюционные партии пользовались тяжелыми условиями Брестского договора и усиленно готовились к восстанию против советской власти. В это время все взоры «учредиловцев» были обращены на военнопленных чехо-словаков.

Во время правительства Керенского было разрешено формирование чехо-словацких войск в особый корпус, причем чехи участвовали в июньском наступлении против немцев.

Все контрреволюционеры старались использовать национальную вражду чехо-словаков к немцам и мадьярам, под иго которых попал чешский народ в

начале XVII века, потеряв свою национальную самостоятельность.

Брестский мир вырвал надежду у чехо-словаков на национальное освобождение· они боялись усиления Германии и Австрии, чехо-словацкая буржуазия желала и ждала поражения Австрии и Германии, чтобы создать самостоятельное чехо-словацкое государство—буржуазно-демократичсскую республику.

Этимвоопользовались эсеры и меньшвики, сторонники «Учредительного собрания», мечтавшие о «твердовластии». Они вевлекали чехо-словаков в авантюру, подготовленную на средства англо-фанцузских капиталистов.

В своей брошюре «Чехо-словаки и эсеры» (1922 г.) Б. Шмераль пишет, что в Богемии из-под пера некоторых возвратившихся из России чехо-словаков уже вышли некоторые произведения, например: мемуары генерала Гайды, книга «Путь революции», принадлежащая майору сибирских чехо-словацких легионов Кратохвилю. В этих мемуарах и книгах есть признание о том, что задолго перед восстанием чехо-словацкие генералы находились в связи с русскими контрреволюционными организациями и действовали по Фкезаку ранции. Вовлечение чехо-словаков в борьбу против советов было проведено искусственным способом—ложью и обманом.

Об этом же свидетельствует полученный впоследствии из Парижа от Масарика «приказ корпусу чехословацких добровольцев в России». В этом приказе Масарик* официально одобрил контрреволюционную борьбу чехо-словаков против советов.

«Вы исполнили ваше задание, как вам показала ваша совесть и наши национальные интересы,—говорилось в приказе Масарика.—Все союзники признали ваше значение... Наши враги в России—это австрийцы и немцы и те отдельные лица и русские партии, которые с ними связались против почтенных союзников...

---

* Профессор Т. Масарик—вождь чехо словацкого национального движения, популярный буржуазный деятель, нынепожизненный президент Чехо-словацкой республики.

Чехо-словаки не имеют ничего общего с анархией и беспорядком... Все мои надежды на вас и на вашего вождя—генерала Дитрихса».

***

Чешский корпус насчитывал до 45 500 человек, хорошо вооруженных, дисциплинированных и снабженных техническими средствами.

Начало вооруженного мятежа чехов относится к 28 мая 1918 года, когда чехо-словацкие эшелоны вошли в связь с белогвардейскими организациями в Сибири и Поволжье (Самаре) с ведома и согласия французского и английского правительств.

Формальной причиной восстания был отказ от разоружения, которое было предложено чехам советским правительством. Только при этом условии советское правительство гарантировало им отправку через г. Владивосток на родину и во Францию, куда они двинулись с начала 1918 года.

Эшелоны чехов растянулись на огромные пространства Сибири и поволжских губерний от Пензы до Владивостока, заняв всю линию Сибирской железной дороги.

Первое выступление чехов было в Челябинске 28 мая и одновременно в Пензе. В это же время в Сибири произошло восстание и было организовано там Временное сибирское правительство.

На Пензу наступала дивизия чехов в составе 10 000 человек, под командованием поручика Чечека. Разогнав по дороге небольшие красногвардейские отряды, чешская дивизия сосредоточилась к 27мая на ст.Пензе.

В ночь с 28 на 29 мая в Симбирск поступила от Пензенского совета следующая телеграмма:

«Пенза об'явлена на осадном положении. Чехословаками занят Казанский вокзал. Начались военные действия».

Затем из Сызрани поступила телеграмма о том, что 30 мая чехо-словаками был взорван мост перегона Заборовка—Сызрань, вследствие чего движение поездов прекращено.

30 мая чехи отошли на Сызрань, а на следующий день утром они пред'явили Сызранскому совету ультиматум с требованием «пропуска войск с оружием в руках на Самару».

Но, чтобы затушевать истинный характер событий и свои намерения, представители чехо-словацких отрядов заключили договор с чрезвычайной комиссией Сызранского исполкома. Этот странный договор, копия которого хранится в ульяновском истпарте, был подписан чехо-словаками 30 мая 1918 года.

В первом пункте этого договора было сказано:

«Все чехо-словацкие отряды, следующие во Францию через Сызрань—Владивосток и другие города по линии ж. д., гарантируют полное невмешательство во внутренние дела совдепов Российской Федеративной Советской Республики по пути своего следования до Владивостока».

В этом договоре чехо-словаки об'ясняют возникший конфликт провокационными доносами или простым недоразумением. Поэтому они внесли в договор еще следующий пункт:

«Сызранский исполком в предотвращение провокационных слухов на тт. чехо-словаков, обвиняемых в контрреволюционности и выступлениях против советской власти, реабилитирует их перед центральными властями и всеми совдепами и немедленно возбуждает по телеграфу ходатайство о дальнейшем беспрепятственном продвижении всех чехо-словацких отрядов вплоть до Владивостока».

В последнем же десятом пункте, прикрывая свои авантюристические намерения, чехи-словаки говорят:

«Предшествовавшая возникшему недоразумению дружба товарищей чехо-словаков с русским народом, основанная на взаимной поддержке по борьбе с мировым империализмом и эксплоатируемыми классами, будет и впредь поддерживаться в еще большей мере взаимным содействием друг другу.

Далее следуют подписи: Председатель Сызранского исполкома Щербаков, члены чрезвычайной комиссии: С. Бугров, Рубинов, Сальнов,

Краснов, Колчин. Секретарь исполнительного комитета чехо-словацких войск В. Дундачек. Члены исполнительного комитета чехо-словацких войск Ярослав Индра.

Однако под прикрытием этого провокационного договора чехо-словаки подготовляли наступление на Самару, куда двигались одновременно казачьи банды из Оренбурга и Уральска.

Еще 11 мая в пределы Самарской губернии ворвался один из дутовских отрядов, состоявший из уральских казаков. Этот отряд начал тогда разрушать железнодорожное полотно и телеграфную сеть между станциями Ак-Булак—Булузук, громя станции и избивая железнодорожников.

Для борьбы с казаками в Самаре был организован 12 мая чрезвычайный военно-революционный штаб.

Наконец, 28 мая в Самаре стало известно о восстании чехов в Пензе и Челябинске, в связи с чем был издан приказ ревкома о введении в Самаре осадного положения.

При этом за несколько дней до падения Самары начались уже переговоры правых эсеров с чехо-словаками о создании так называемого «комитета членов, Учредительного собрания», состоящего из правых эсеров и меньшевиков. Комитет этот начал против власти советов войну, создав белую армию и с помощью чехов захватил ряд городов Поволжья.

Самара пала 8 июня.

После сдачи Самары и Сызрани центром обороны верхнего Поволжья сделался Симбирск.

Уже после первых сведений о выступлении чехословаков симбирский горком РКП приступил к организации рабочих и военных отрядов для борьбы с чехо-словаками. В Пензу для борьбы с чехо-словаками было послано около 400 человек на поддержку. Большую помощь Симбирск оказал и Самаре: был выслан ряд партийцев и несколько отрядов во главе с военным комиссаром губернии товарищем П. Х. Гладышевым. Большинство этих отрядов героически погибло при защите Самары. Баджин—рабочий, текстиль-

щик, большевик был расстрелян чехами в районе Самары. Не вернулся и товарищ Гладышев: он был захвачен чехами в плен, увезен ими и расстрелян в тобольской тюрьме.

Одновременно с организацией отрядов было введено военное обучение коммунистов (стрельба из винтовок и пулеметов) и ночные военные дозоры-патрули из коммунистов. Последнее особенно было важно потому, что в связи с чехо-словацким восстанием усилилась активность контрреволюционных организаций.

Между тем положение становилось все более серьезным. На губернском с'езде советов, состоявшемся в начале июня, правые социалисты имели большое количество голосов, тогда как фракция большевиков была малочисленная.

Пришлось большевикам заключить блок с левыми эсерами для совместных выступлений на с'езде, чем было достигнуто большинство.

Но в этом блоке коренилась причина дальнейших неудач для Симбирска. Уже тогда на с'езде было замечено, что левые эсеры особенно ревностно добивались военных постов, стремились везде расставить своих людей. Они выговорили себе в губисполкоме такие важные посты, как военного комиссара и продовольственного. Даже командующим так называемой «Симбирской группой войск» оказался левый эсер.

В результате в самый ответственный момент угрозы чехо-словаков левые эсеры, занимавшие важнейшие военные посты, добились того, что «большевистская военная дружина» была брошена под Бугульму и в Симбирске осталась лишь небольшая кучка большевиков.

Это показывает, что левые эсеры уже тогда ориентировались на чехо-словацкое восстание и действовали заодно с ними, стремясь занять Симбирск.

Симбирск—важный стратегический пункт. Это—узел пересечения железно-дорожных и водных путей, с мостом через реку Волгу, соединяющим Поволжье через ст. Чишму с Сибирью. К захвату Симбирска энергично готовились левые эсеры во главе с глав-

комом Муравьевым, назначенным для ликвидации восстания чехо-словаков.

Но в это время в Симбирск прибывает из Самары ревком во главе с товариещем В. В. Куйбышевым *, и 10 июня был создан военно-революционный штаб, которым были приняты меры к увеличению военных сил. В частности началась организация латышей, демобилизованных солдат, эвакуировавшихся из Латвии в Симбирск. Из них была создана отдельная рота латышских стрелков в составе 100 человек. Эта рота влилась в латышский стрелковый полк, который к тому времени прибыл с фронта на отдых из Ростова-на-Дону после ожесточенных боев с белогвардейцами и немцами. В полку оставалось до 600 человек.

Латышский полк был расквартирован в кадетском корпусе. Туда же в корпус были стянуты и остальные красные отряды. Здесь наскоро стали формироваться первый латышский и симбирский полки Красной армии, составившие кадры первой армии, командование которой было поручено товарищу Тухачевскому.

Одновременно большевиками развертывается агитационно-массовая работа. Организационное бюро боевых дружин Волго-Бугульминской железной дороги выпустило 27 июня воззвание, в котором говорилось:

«Помещики, банкиры и черные сотни подкупили чехословацких офицеров и обманули чехо-словацких солдат. Руками чехо-словацких солдат хотят задушить нашу революцию. С помощью белогвардейцев, меньшевиков и правых эсеров чехо-словаки захватили Самару, заняли Омск и Ставрополь и несколько других пунктов, где они расстреливают рабочих и крестьян и представителей советской власти.

Они хотят отрезать доставку хлеба из Сибири, чтобы костлявой рукой голода задушить нашу революцию. В Омске эта банда образовала свое сибирское правительство, во главе которого стоят правый эсер Дербер, банкир Путилов, корниловский адмирал Колчак и царские прихвостни Семенов и Дутов.

* В. В. Куйбышев в настоящее время является членом политбюро ЦК ВКП(б) и председателем Госплана СССР.

Это правительство царских палачей создано соглашателями—меньшевиками и правыми эсерами, которые кричат об Учредительном собрании, а на самом деле готовят восстановление царской монархии.

Товарищи железнодорожники! Мы призываем вас встать на защиту революции, на защиту своей дороги. Возьмите в свои руки охрану всей дороги, создайте боевые дружины, увеличивайте продуктивность вашей работы до максимума, поддержите разрушающийся транспорт, докажите же свою силу и творчество на деле и вы спасете этим революцию...»

Благодаря массово-раз'яснительной работе и брошенным в бой свежим силам военная обстановка в первых числах июля начинает меняться в пользу красных, продвижение чехо-словацких войск удалось приостановить. Вскоре после этого красные перешли даже в решительное наступление, и 9 июля пришло телеграфное сообщение о взятии Красной армией Сызрани и Бугульмы.

Большую помощь в борьбе с чехо-словаками в это время на участке Симбирск—Бугульма—Уфа—оказал Красной армии бронепоезд Полупанова, носивший название «Смерть или свобода», выпущенный в самый короткий срок из ремонта рабочими Коломенского завода.

Неожиданно появляясь на фронте, бронепоезд не раз вызывал панику среди чехо-словаков и белых. Пехота и кавалерия неприятеля бросались врассыпную.

Благодаря бронепоезду Бугульма была очищена от белых, несмотря на упорное здесь сопротивление чехов.

Чтобы задержать дальнейшее продвижение и сбить бронепоезд, чехи попытались однажды пустить полным ходом паровоз с платформой, наполненный камнями и песком. Однако, благодаря принятым мерам паровоз был пущен под откос.

Только неосторожность команды самого бронепоезда и отсутствие снарядов затормозили дальнейшее его продвижение на восток. От частого беглого огня

и от неосторожности наводчика был вырван силой взрыва замок орудия и дверь 1 бронеплощадки. А снаряды были присланы не того калибра, какой требовался для орудий, и вместо того, чтобы продолжать наступление, бронепоезд был вынужден отодвинуться к Мелекессу.

На станции Мелекесс к бронепоезду присоединился отряд из 60 человек военно-пленных мадьяр, пожелавших бороться за советскую власть. Отряд мадьяр был принят. Однако бронепоезд, значительно потрепанный— где с пробоиной, где с поврежденной бойницей, с испорченными двумя орудиями (а к шести дюймовой пушке не было снарядов), получил распоряжение немедленно прибыть в Симбирск для срочной замены орудий и для ремонта.

Между тем в Симбирске в этот момент, в самый разгар военных действий, происходит событие, которое внесло затруднение в военную обстановку, складывавшуюся в пользу Красной армии.

Через день-два после взятия Красной армией Сызрани и Бугульмы в реввоенсовете Восточного фронта произошло предательство. Главнокомандующий фронтом полковник М. А. Муравьев, левый эсер, изменил советской власти. Он прибыл 10 июля в Симбирск, чтобы в союзе с чехо-словаками забрать в свои руки все Поволжье, а отсюда, закрепить за собой путь к Сибири, повести наступление на Москву.

В «Записках о гражданской войне» (1924 г.) В. Антонова-Овсеенко имеется такая характеристика М. А. Муравьева:

«Муравьев жил всегда в чаду и действовал всегда самозабвенно... Своим пафосом он напоминал Дон-Кихота и того же рыцаря печального образа он напоминал своей политической беспомощностью и своим самопреклонением. Честолюбие было его подлинной натурой.

Во время русско-японской войны он был ранен и для лечения ран впоследствии был отправлен за границу и там будто бы приобщился к революции. С тех пор он начинает путаться между различными полити-

ческими партиями и то делает предложение Милюкову (в 1911 г.) о передаче в распоряжение кадет военно-революционных групп, будто бы им организованных, то забегает к эсерам.

Во время Февральской революции он приезжает в Петроград с различными предложениями фантастического свойства к Керенскому. Затем он разочаровывается в керенщине, во время Корнилова состоит в связи с левыми эсерами и ищет сношения с большевиками».

Честолюбивым авантюристом Муравьев оставался до последних дней своей жизни, совершив подлое предательство в Симбирске.

Симбирск к тому времени был почти в руках левых эсеров, занимавших все важнейшие военные посты. Большинство коммунистических отрядов было послано на фронт и погибло от пуль чехов. В городе оставалась небольшая горстка большевиков. События однако приняли неожиданный оборот благодаря героической храбрости и находчивости отдельных членов губкома и губисполкома.

Расскажем об этом событии так, как оно было по воспоминаниям старых большевиков, большинство из которых было участниками этого события: С. А. Авакумова, А. З. Жукова, И. Прыткова, В. М. Кадышева, Я. М. Звирбуля, И. Абросимова.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ГЛАВКОМА МУРАВЬЕВА

10 июля 1918 года около 2 часов дня на пароходе «Межень» прибыл в Симбирск командующий Восточным фронтом Муравьев, бывший полковник, левый эсер. Он приехал со своим штабом в сопровождении еще двух пароходов с солдатами.

Войско Муравьева насчитывало до 1000 вооруженных солдат разных национальностей, среди которых были татары, черемисы, вотяки и даже китайцы. Тут были матросы и красноармейцы.

Президиум губисполкома, по свидетельству И. Прыткова, ожидал Муравьева не как врага, а как командую-

щего, со всеми установленными почестями, для чего один из членов губисполкома Шеленшкевич * был послан для встречи на пристань. Остальные ожидали Муравьева на месте, в губисполкоме.

Однако по прибытии на пароход «Межень» Шеленшкевич был арестован.

Странным был и тот факт, что Муравьев не хотел сам приехать в губисполком, а требовал по телефону, чтобы к нему прибыли председатель губисполкома и председатель губчека. Наконец, агентами Муравьева был арестован в вагоне на станции Симбирск I М. Н. Тухачеcкий, командующий Первой армией.

Одновременно в городе стали распространяться провокационные слухи о заключении мира с чехо-словаками. А под вечер раздались на Гончаровской улице два гранатных взрыва. Этот взрыв гранат оказался сигналом к восстанию против советской власти. Через несколько минут можно было видеть, как в город стали подниматься вооруженные части, которые затем оцепили кадетский корпус, где размещался губисполком.

Со стороны Спасской улицы (ныне Советской) по направлению к кадетскому корпусу были выставлены два пулемета,—также и со стороны Гончаровской.

Спустя некоторое время против корпуса остановились шесть бронеавтомобилей курского броневого отряда, направившего пулеметы и легкие орудия на кадетский корпус.

В это же время на почту была прислана пачка телеграмм, подписанных Муравьевым, в разные адреса Восточного фронта. В телеграммах говорилось:

«Всем, всем, всем... Войскам Сибири и чехо-словацким войскам—Уфа—Владивосток. Война с Германией началась. Об'являю перемирие на всем Восточном фронте. Предлагаю всем чехо-словацким корпусам вернуться к Волге и итти вместе с нами против Германии. Вверенным мне войскам приказываю прекратить боевые действия и наступление на Самару...»

---

* Товарищ Шеленшкевич работает в настоящее время в Ленинградской области.

Эта предательская телеграмма была рассчитана на то, чтобы дезорганизовать фронт, а затем вместе с чехами двинуться на Москву.

Телеграфисты старались спешно передать эти телеграммы по назначению. Подошедший к ним комиссар Симбирской почты и телеграфа А. Фрейман приказал не передавать телеграммы.

— А вон видите, почта оцеплена,—послышался ехидный ответ.

Фрейман схватил тогда пачку телеграмм, выхватил у сторожа фуражку и черным ходом побежал через двор мимо оцепления в губисполком. Эти телеграммы послужили впоследствии уликой Муравьеву в его предательстве.

Тем временем Муравьев, приехав в автомобиле, отдал приказание командиру латышского полка построить полк без оружия в помещении корпуса.

Когда полк был выстроен, то Муравьев называя латышей не «товарищами», а «братцами», что сильно удивило красноармейцев, обратился к ним со следующей речью:

— Братцы! Довольно братоубийственной войны. У нас общий враг—немец, который пядь за пядью захватывает Украину. Всему русскому народу необходимо встать как один на защиту своего отечества и проучить немцев. Возможно, что в центре будут против этого, но я заключил мир с чехо-словаками и уверен, что армия откликнется на мой призыв. Совместо с нашими друзьями чехо-словаками и при поддержке всех верных сынов отечества дадим отпор захватчику-немцу! Ура!!!

После этой речи, направленной к тому, чтобы склонить латышей на свою сторону, Муравьев со свитой направился в гостиницу при городском театре, где должно было состояться совещание левых эсеров для выработки плана дальнейших действий. А перед этим он об'явил, что в 10 часов вечера созывается заседание губисполкома и сделал распоряжение, чтобы все члены губисполкома собрались в кадетском корпусе и ожидали его прибытия.

Однако совещание с левыми эсерами в гостинице затянулось до 11 часов вечера. В своей пространной речи Муравьев говорил о необходимости немедленного мира с «братьями-славянами»—чехами, о войне с Германией, о необходимости создать независимое поволжское правительство, где руководящую роль будет играть партия левых эсеров.

И пока левые эсеры во главе с Муравьевым предавались обломовским мечтам о своих победах над Германией, —в это время небольшая горстка коммунистов обдумывала в кадетском корпусе свой план ликвидации муравьевщины. Опасность, которую создало предательство главкома, не расстроила рядов коммунистов.

Коммунисты во главе с товарищем Варейкисом твердо решили уничтожить Муравьева. Было решено завлечь его в помещение губисполкома, а перед этим распропагандировать его отряды, окружавшие корпус.

Товарищем Варейкисом были выпущены воззвания. Одновременно поручено двум сестрам милосердия и Дарье Ивановой (ленинградская работница, красногвардейка), переодевшимся в торговок, подготовить почву среди красноармейцев отряда Муравьева.

Латышскому полку было отдано распоряжение быть наготове. В окнах корпуса выставили 7 пулеметов и заложили в них двойные ленты. В двух комнатах, соседних с той, где заседали члены губисполкома, был подготовлен отряд из 30 латышей и 20 коммунаров с заряженными винтовками.

И получилось так, что снаружи члены губисполкома были пленниками, а внутри полными хозяевами.

В это же время среди отряда Муравьева царил полнейший беспорядок: кто сидел на пулемете, кто на тротуаре,—все расположились, как на отдыхе.

Неожиданно к ним подошли торговки с пирожками. Солдаты покупали у них пирожки, а «торговки» повели агитацию. Они убеждали муравьевских солдат, что они обмануты, что Муравьев предатель, что он открыл фронты и делает дело белогвардейщины.

Агитация среди солдат пошла успешно: этому благо-

приятствовало отсутствие командиров,—они были на совещании у главкома.

Первой поддалась большевистской агитации команда бронемашин, приславшая делегацию в кадетский корпус, чтобы убедиться в том, что симбирский губисполком не контрреволюционный, как уверял их Муравьев. И когда они лично убедились, что в губисполкоме все рабочие, то заявили:

— Мы с вами, товарищи, и не сделаем ни одного выстрела в вас...

А потом присоединились и другие солдаты:

— Мы не намерены стрелять в вас, если латыши не вызовут нас на это...

Таким образом к концу заседания с эсерами Муравьев почти совершенно лишился той военной силы, которую он имел: его солдаты поклялись в верности советской власти.

Однако Муравьев, ничего не подозревая, несколько раз справлялся через ад'ютантов:

— Собрались ли члены губисполкома?

— Не все еще... обождите,—отвечали ему.

И когда ночью, около 12 часов, Муравьев отправился с эсерами на заседание губисполкома, то обстановка уже сложилась не в его пользу.

Пройдя первые двери корпуса, Муравьев спросил губвоенкома—левого эсера:

— Караул наш?

— Да, наш,—ответил тот, но он не подозревал, что выше уже был караул другой, большевистский.

Губисполком был в сборе.

И едва Муравьев вошел в зал, как в тот же момент командир латышского полка подал команду: «В ружье! Занимай все входы... впускать можно, выпускать никого».

Свободные от нарядов по охране входов стрелки поднялись в зал, где происходило заседание совета. Туда же пришли и красноармейцы Московского коммунистического отряда, помещавшегося в кадетском корпусе.

Таким образом вооруженная застава образовала

стальную стену у дверей и преградила всякое отступление изменнику Муравьеву.

Красные бойцы были настолько наэлектризированы, что они требовали от товарища Варейкиса немедленной выдачи Муравьева.

Пришлось сдерживать их. Между тем Муравьев всячески старался убедить членов губисполкома и говорил много на тему «пора оружие обратить на запад».

— Отныне войну с чехо-словаками об'являю законченной и об'являю войну Германии... Я намерен организовать Приволжскую республику и выражаю надежду, что симбирские большевики не откажутся принять министерские портфели.

Товарищ Варейкис, председательствовавший на заседании, ответил:

— Мы революцию на чечевичную похлебку не променяем.

А товарищ В. Фрейман* добавил:

— Ты явный контрреволюционер...

К этому времени была уже получена из центра телеграмма за подписью Ленина. В ней говорилось, что Муравьев сбежал из Казани, где его авантюра была раскрыта, что он поднял восстание против советской власти, за что об'явлен вне закона.

Муравьеву был ребром поставлен вопрос:

— Признаешь ли ты советскую власть?

Муравьев ответил:

— Нет, я подумаю...

— Авантюрист...—назвал его В. Фрейман и сказал: —с тобой мы будем биться до последней капли крови, но отсюда живым тебя не выпустим...

После этого Муравьев повернулся по-военному на каблуке, сделал шаг вперед к выходу и сказал:

— Тогда я с вами посчитаюсь...—и, выхватив на ходу маузер, хотел выстрелить.

Но стоявший около Муравьева коммунист схватил

* В. Н. Фрейман—брат А. Фреймана—активно работал в ульяновской организации большевиков. Сейчас он является зам. председателя правления Центроторфа.

его за руку и отведенный им маузер начал палить вверх. В тот же момент этот коммунист (по фамилии Медведев) из своего револьвера выстрелил в Муравьева.

Послышался голос:—Товарищи, берегитесь!..

Все метнулись по сторонам, укрываясь за толстые стены. Раздался залп, и Муравьев упал в дверях, пронизанный 14 пулями из винтовок.

Так закончилась муравьевская авантюра.

***

В ту же ночь комитет коммунистической партии напечатал воззвание к населению об измене и смерти Муравьева, а также отправил телеграммы на фронт.

Авантюра Муравьева, хотя и была быстро ликвидирована, но повлекла за собой ряд неудач, в результате которых на фронте получился полнейший развал. Белые вскоре заняли Новодевичье, Сенгилей, Мелекесс и подходили уже к Симбирску.

Перед Симбирским советом встал вопрос о принятии экстренных мер по укреплению подступов к городу в виде сооружения пулеметных блиндажей, окопов, проволочных заграждений и траверсов на железнодорожном мосту из мешков, насыпанных песком. Необходимые укрепления за Волгой были закончены в 3 дня.

В ночь на 20 июля прибывает в Симбирск бронепоезд Полупанова, отозванный для ремонта. На следующий день после совещания в виду угрозы городу было решено: бронепоезд отвести на Инзу. Посланная бронепоездом разведка вскоре известила, что путь на железнодорожном мосту в нескольких верстах от города разобран, а часть моста в огне.

Оказалось, что чехи зашли в тыл.

Это известие было неожиданностью для губисполкома. Никто не мог предположить, что в 10—15 километрах от города по железнодорожной линии находились передовые части белых,

Бронепоезд более двух часов геройски боролся с белыми. В конце-концов он присоединился к гарнизону для совместных действий против чехов и белых.

В это же время красные отряды были двинуты на ст. Киндяковку, но эти отряды были плохо вооружены. После хозяйничанья эсеров в военном комиссариате был полнейший хаос. Куда-то запропали пулеметы, не оказалось боевых припасов.

В распоряжении губисполкома не оказалось военных специалистов, которые бы могли взять руководство военными частями. Не было отдано соответствующего распоряжения и о том, чтобы артиллерия была на месте, и когда надо было действовать, оказалось, что пушки нет. Наконец привезли пушку, но нашелся только один артиллерист, который мог руководить артиллерийским огнем.

Триста человек были брошены, чтобы поднять дух красноармейцев и организовать наступление. В ночь на 22 июля разыгралась ураганная перестрелка. Плохо обученные и слабо вооруженные части однако дрогнули и стали отступать.

Губисполком выехал из города только тогда, когда пришли разведчики и сказали, что части отступают.

Всю ночь губисполком грузился со своими учреждениями на пароходах и отплыл затем—сначала в Буинск (на Казань), а потом в Алатырь.

К 9 часам утра 22 июля бой окончательно решается в пользу чехов. Собрался тогда военный совет, и на нем было решено сдать город и отступить пехоте по Казанскому тракту.

Но куда передвинуть бронепоезд Полупанова, который геройски сражался с чехами, припертый к железнодорожному мосту? Чтобы не сдать его в руки врагам, было решено взорвать его. И вскоре действительно раздался оглушительный взрыв; прошло лишь несколько минут и бронированный красавец свалился под откос возле железнодорожного моста, перевернутый стальными лапами кверху, весь обезображенный.

Часть уцелевшей команды бронепоезда погрузилась на первый попавший катер, но у Старой Майны катер был остановлен артиллерийским огнем. Пришлось сдаться чехам. Особенно жестоко чехи расправились с мадьярами. Бывший комендант этого бронепоезда

Н. Я. Гимельштейн так описывает в свих воспоминаниях:

« С бомбами в руках и с криком «сдавай оружие» чехи влетали на наш пароход.

— Кто мадьяр, становись сюда...

И тут же шагах в 50 от пристани стали их зверски расстреливать, а остальных силой и прикладами выталкивали на берег».

Так закончился эпизод взятия г. Симбирска белыми и чехо-словаками, войсками генералов Каппеля и Галкина, действовавших по указке французских интервентов.

ЧЕХИ В СИМБИРСКЕ

Пятьдесят дней Симбирск находился в руках чехословаков и белых. При взятии города буржуазия Симбирска ликовала. В честь «героев» чехов она устраивала пышные торжества, зазывая «братьев-славян» к себе в дом, в гости. Духовенство же организовывало крестные ходы по случаю освобождения города от большевиков и усердно пело на всех улицах «христос воскресе».

Под звон церковных колоколов и пышных тостов «спасители» чехи и белогвардейцы чинили расправу: на улицах Симбирска было расстреляно до 400 большевиков, красноармейцев и партизан. Даже раненых красноармейцев, находившихся на излечении в больнице, белогвардейцы избивали насмерть. Тюрьмы были переполнены.

Металлиста Кудряшова расстреляли на глазах его семьи. Коммунист Василий Крайнов был сбит с велосипеда и расстрелян. Были также расстреляны: Семен Карпов с одним красноармейцем, Белов—заведующий жилищным отделом уисполкома, беспартийный, Новиков—член партии и другие. Вся Базарная площадь была усыпана трупами.

Детям А. Фреймана и В. Кадышева наставляли в виски оружие, вымогая показания, хотя дети ничего не знали и не участвовали в борьбе.

Дня два или три у кадетского корпуса лежали трупы латышей-красноармейцев. Их не торопились зарывать—для «устрашения» красных. Обвиняя большевиков в «зверствах», чехи и белогвардейцы с первых же дней своего господства в городе проявили неслыханное издевательство над трупами, вызвав этим всеобщее недовольство среди мирного населения. Особенно гнусной была картина у кадетского корпуса, когда разряженные, накрашенные дамы в шляпках подходили к трупам латышских стрелков и, тыкая в них зонтиками, бормотали со злобой фразы:

«А-га, попался...»

Об этом с чувством возмущения вспоминают многие очевидцы, пережившие тяжелые дни произвола чехов-словаков в городе. По словам коменданта зданий завода «Металлист» И. В. Иванова, только за один день было вывезено мимо завода 36 возов трупов, которые зарывались прямо в ямы, не считая тех трупов, что были зарыты в ямах на Северном выгоне.

Впоследствии один из членов так называемого «Всероссийского учредительного собрания» В. И. Алмазов в своей статье «Симбирск после большевиков», помещенной в «Вестнике Комитета членов Учредительного собрания» (№ 18 от 30 июля 1918 года, Самара) пытался свалить эти зверства на «толпу».

«Несмотря на все усилия образовавшегося Комитета членов Учредительного собрания,—писал он,—не удалось предупредить экцессов против деятелей советской власти. Толпа упорно искала наиболее ненавистных, как Варейкис, Гольдман и др. Расстрелян самосудом комиссар финансов Измайлов. Комиссара Новикова с трудом удалось отбить от толпы».

Но что это была за «толпа», как не те же чехи, солдаты «народной армии» и та буржуазия, которая прибыла вместе с чехами.

Уже в первый день вступления чехов состоялось собрание городской думы и губернского земства.

В городе вновь была восстановлена власть буржуазии: «Комитета членов Учредительного собрания», городской управы и земства. Старые законы, отменен-

ные при советской власти, были возобновлены. На улицах появились офицеры с золотыми погонами, и генералы с красными лампасами.

На фабрики и предприятия возвратились прежние «хозяева» и опять началось издевательство их над рабочими.

Все домовладельцы также вступили в свои прежние права «владельцев» и стали притеснять своих квартирантов, выселяя «нежелательных» из занимаемых ими квартир. Но это вызвало такое негодование квартиронанимателей, что даже чехи были вынуждены издать постановление, в котором было сказано, что законы советской власти в отношении квартирного вопроса не отменены и остаются в силе.

Дня два-три никто из служащих и рабочих не приходил на службу и на работу в учреждения и предприятия. Тогда власть «учредиловцев» была вынуждена издать приказ, которым служащие и рабочие «приглашались» приступить к работе.

Вскоре после захвата города чехами был опубликован и белогвардейский приказ о формировании так называемой «народной армии» (№ 5), в котором, предупреждая о призыве, говорилось:

«Для того, чтобы дать возможность русским гражданам, пока не призванным в ряды регулярной народной армии, принять участие в великой борьбе за независимость и величие возрождающейся России, приказываю открыть запись добровольцев в Симбирский добровольческий полк народной армии».

В этом приказе все прозрачно: «русские граждане», «независимость и величие возрождающейся России», «запись добровольцев, пока не призванных» и т. д. Все это говорит о великодержавном шовинизме, который пышным цветом расцвел в период владычества белочехов.

Однако, кроме буржуазных недорослей и купеческих сынков, никто не шел добровольцем в «народную армию». Тогда было мобилизовано гражданское ополчение до 45-летнего возраста.

Но призыв также не удался. В городе при обходе

дворов милиционерами, мужчины скрывались по чердакам и подвалам. Крестьяне также отказывались итти в ряды «народной армии», от которой пахло реставрацией помещичьего господства.

Характерно, например, постановление сельского схода в с. Анненкове-Лесном о призыве в «народную армию». Крестьне решили—«не давать в народную армию ни людей, ни лошадей».

Белогвардейская газета «Возрождение», выпускавшаяся в это время в Симбирске, об'ясняла этот отказ крестьян «выступлением черносотенных бывших помещиков, которые грозят возвратом к старому».

Это так и было. Из разных сел крестьяне жаловались: «помещик прет», «землю хотят отнять».

И крестьяне не пошли за учредиловцами. Они единодушно ответили на анкету, произведенную белыми в деревнях:

«Вся земля должна перейти трудовому народу без выкупа, а власть—советам».

Крестьянские сходы во всех деревнях твердо заявили, что им с «Учредилкой» не по пути. Еще более решительно высказалась рабочая конференция, собранная с большими препятствиями в Симбирске. В своей резолюции рабочая конференция заявила:

«Восстановление и сохранение совета рабочих депутатов, как органа политического сплочения рабочего класса, прямо необходимо».

Надо отметить, что все производственные профсоюзы боролись за советы не только внутри профсоюзов, но и на фронте гражданской войны. Однако некоторые нерабочие союзы—союзы служащих—нередко выражали свое враждебное отношение к советской власти.

Так, например, общее собрание служащих симбирской почтово-телеграфной конторы вынесло 5 августа резолюцию, приветствующую учредительное собрание и «народную армию» и заявляющую, что телеграфисты примут участие в борьбе против большевиков.

О предательстве телеграфистов свидетельствует и тов. Г. Д. Гай в своей книге «В боях за Симбирск». Он пишет:

«Связь с Симбирском, где находился штаб Симбирской группы войск, поддерживалась по гражданскому телеграфу. Чувствовалось, что за каждым шагом красных партизан следят враги и предатели. Таких много оказалось среди телеграфных служащих».

Однако, несмотря на признание власти «Учредилки» буржуазией, духовенством и некоторыми служащими, основные массы трудящихся—рабочие, крестьяне и революционная часть служащих—были за советскую власть. Вот почему чехи продержались недолго в Симбирске. Характерно, что чехи и белогвардейцы были так упоены своими «победами», что и не заметили появления такой силы, как Первая регулярная советская дивизия, положившая начало победам Красной армии. Об этой боевой дивизии будет сказано подробнее ниже.

За два дня до своего падения они задумали вдруг издавать газету «Симбирские губернские ведомости», которой вышло всего два номера—10 и 11 сентября 1918 года. Во втором номере этой газеты, издававшейся «на платформе Комитета членов Всероссийского учредительного собрания», было напечатано об'явление о том, что 12, 13, и 14 сентября состоится в городском театре кино-картина «Три вечера Франции», изображающая жизнь и бои на французском фронте.

Вступительную речь должен был произнести профессор В. Г. Янчевецкий—«Франция в борьбе за свободу народов» («Возрождение России и пример Франции»).

Не ясное ли это указание на то, что чехо-словацкая авантюра была организована на французские деньги, —иначе зачем было бы популяризировать Францию как борца за свободу народов?!

В том же номере напечатан был приказ «о денационализации и возврате захваченных предприятий» в угоду бывшим владельцам.

Лицо фабриканта, помещика и черносотенца ярко выглянуло из столбцов «Симбирских губернских ведомостей». Трудящиеся массы успели разглядеть это приметное лицо «беспартийного» провокатора, хваст-

щегося, что «народная армия настолько сильна духом и организацией, что она своими незначительными отрядами в 100 человек разбивала красноармейцев в 2 000 человек» (последние строки взяты из белогвардейского воззвания «к гражданам города Сенгилея и уезда»).

И хотя перед освобождением Симбирска красными чехобелогвардейцы запугивали население тем, что красные устроят в городе «варфоломеевскую ночь» и что белые через три дня вновь вернутся в Симбирск, они не привлекли на свою сторону симпатий населения. А без поддержки масс их авантюра была обречена на полную неудачу; чехи больше не могли возвратиться.

Красная армия к тому времени уже окрепла и начала одерживать свои первые победы.

В оперативной сводке штаба «народной армии» Поволжского фронта от 7 сентября сообщалось:

«Казанский район. С 6 сентября противник большими силами перешел в наступление по обоим берегам Волги».

«ОТВЕТ ЗА РАНУ ИЛЬИЧА—РАЗГРОМ БЕЛЫХ»

После сдачи Симбирска центром формирования новых частей для Красной армии, оперировавшей под Симбирском, стал г. Алатырь, куда эвакуировался губисполком.

Находясь в Алатыре, Симбирский губисполком, непокладая рук работал и всячески помогал формированию Железной дивизии, полки которой начали создаваться в районе Чуфарово, Вешкайма, Поповка.

В основу дивизии легла Сенгилеевская группа войск, под командованием товарища Гая, которой удалось 26 июля прорваться из неприятельского кольца к станции Майна и войти в связь с командованием Первой армии.

Сенгилеевский отряд, основное ядро которого составляли Симбирский коммунистический отряд, боевая дружина коммунистов г. Самары, а также Казанский, Тверской и Сенгилеевский коммунистические отряды, насчитывал до 3 000 человек.

Вот с этого-то момента и был заложен фундамент первой регулярной 24-й Железной дивизии. Из всех отрядов самарских боевых дружин и неорганизованных красногвардейских частей были составлены два полка: 1-й и 2-й Симбирские. Началась лихорадочная подготовка частей, переформирование полков и сколачивание штабов. Собирались также повсеместно пушки, винтовки, повозки и снаряды, разбросанные по разным местечкам Симбирской губернии. Из орудий и батарей были созданы артдивизиионы, а из повозок и подвод—транспорт.

Первым был сформирован 1-й Симбирский полк. В листовке, напечатанной за подписью Гая (хранится в Ульяновском музее революции) и обращенной к красноармейцам 1-го полка в день, когда полку вручалось революционное знамя, так изложена история этого полка:

— «Сначала в Самаре вы в рабочих блузах начали скопляться в партийные клубы коммунистов (большевиков) и левых эсеров, образовав партийные дружины для защиты советской власти в Самаре; потом начали прибывать из других городов рабочие партийные отряды, как Казанский, славный Тверской, перебывавший на всех фронтах революционной России, Симбирский, Сенгилеевский и другие. Чем дальше, тем больше революционных рабочих присоединилось добровольно к вашему полку...»

Так зародился Первый, затем Второй Симбирские полки, которые заложили фундамент Первой регулярной стрелковой дивизии, получившей вначале звание «1-я Симбирская» по желанию самих красногвардейцев. Впоследствии за свои героические подвиги дивизия получила от Реввоенсовета Республики название «Железной».

Уже 11 августа полки молодой дивизии, еще не вполне оправившиеся, были двинуты в наступление на Симбирск по стратегическим соображениям, чтобы отвлечь внимание противника от Казани.

Первый полк был уже под самым Симбирском, но ему пришлось оставить позицию. В этот день пришли

Московский и Крестьянский полки Курской бригады, занявшие левый участок дивизии. В виду слабой боевой подготовки этой бригады в ее молодых частях началась паника: они не выдержали наступления белых,—образовался прорыв. Благодаря этому создалась угроза и правому флангу, состоявшему из 1-го и 2-го Симбирских полков, тем более что конница противника успела зайти к ним в тыл.

Таким образом первое наступление на Симбирск оказалось неудачным.

Наступило временное затишье, им воспользовалась дивизия, чтобы закончить формирование своих частей. По селам, деревням, на фабриках устраивались митинги. А после них начался приток добровольцев, рабочие устраивали добровольные мобилизации.

Первыми отозвались села Поповка и Игнатовка (вблизи которых находилась суконная фабрика), давшие вместе с фабрикой 160 человек. Языковская фабрика дала 55 человек и окрестные села 270 человек. В короткое время ряды дивизии пополнились свежими и крепкими добровольцами. Всего влилось около 800 человек, да и штаб армии прислал новые подкрепления.

Оправилась Железная дивизия. В это время было получено известие, что Ильич ранен. В связи с этим красноармейцы, готовясь к новому наступлению, единогласно постановили: во что бы то ни стало на этот раз освободить родину Ильича—Симбирск.

Почти одновременно из Москвы от ВЦИК была получена листовка «Волга должна быть свободной». В ней говорилось:

«Симбирск, Сызрань, Самара—три гнезда, где засели разбойники, и в их руках хлеб, нефть, бензин, рыба и другие продукты с юга.

Волга должна быть свободной.

Симбирск, Сызрань, Самара должны быть в руках рабочих и крестьян!

Вон оттуда наемников англо-французских ростовщиков, чехо-словаков и белогвардейцев, что скрываются под флагом меньшевиков и правых эсеров,

Надо нажать, надо стремительным натиском выбить их оттуда, где под их игом стоном стонет трудящийся люд!

Рабочий и крестьянин Советской России!... Восстань и иди вперед к победе!»

Этот клич был услышан и Железная дивизия пошла на передовые посты, чтобы окончательно очистить от белых Симбирск, Самару, Оренбург и Урал.

Красноармейцы Железной—эти вооруженные рабочие и крестьяне—пошли обратно брать фабрики и заводы, отнятые капиталистами, и землю, отобранную помещиками. Они пошли на борьбу против тех, кто пытался вернуть бесправие, нищету, помещичий гнет и произвол капиталистов.

8 сентября Железной дивизией был получен приказ с задачей: «Овладеть Симбирском коротким энергичным ударом».

И в тот же день был отдан приказ № 20 Симбирской Железной дивизии, заканчивающийся призывом:

«Железные бойцы! Смело вперед на Симбирск!».

В приказе указывалось, что необходимо обратить внимание на точное соблюдение направлений и на занятие назначенных рубежей в указанный срок, без чего маневр не может привести к желанным результатам.

Для захвата Симбирска был также указан срок. В телеграмме, посланной командованием армии еще в первых числах сентября в Реввоенсовете Республики, сообщалось: «Двенадцатого Симбирск будет взят».

Сроки, назначенные для занятия рубежей, были выполнены частями Железной дивизии, и маневр по овладению Симбирском «коротким энергичным ударом» удался.

С рассветом 9 сентября красные войска повели наступление и, отбросив мелкие части противника, неудержимой лавиной двинулись вперед.

Три дня шли упорные бои под Симбирском. Обе стороны сходились в штыки. Жестокими боями брали каждую пядь земли. Некоторые пункты переходили из рук в руки по нескольку раз.

Перед станцией Охотничья белыми были наскоро вырыты окопы и устроены проволочные заграждения, но это не остановило красных бойцов. Здесь произошел кровопролитный бой, где отличился Интернациональный полк, наголову разбив белых и взяв много пленных.

На третий день к 10 часам войска Железной дивизии подходили уже к железнодорожному мосту на Свияге (в 7 километрах от города). Белые выставили инструкторский батальон в Винновской роще (вблизи Симбирска), но красные части зашли в тыл батальону, и он был истреблен почти поголовно.

С трех сторон был окружен город частями Железной дивизии. Красная армия безостановочно гнала белых, преодолевая их сопротивление всюду, где оно оказывалось.

12 сентября утром, развернувшись в цепь, Железная дивизия неудержимой лавиной перешла в атаку. Первым ворвался в город через Киндяковку 1-й Симбирский полк во главе с товарищем Устиновым. При входе в город белые оказали сильное сопротивление: стреляли из-за углов, из окон и с крыш, а у городского сада открыт был пулеметный огонь, но все это было скоро ликвидировано красными частями.

Для предупреждения бесцельной жестокости над мирным населением заранее были назначены штабом Железной дивизии полки для охраны города и им дана была соответствующая инструкция.

Еще рано утром чехо-словаки, поняв, что им не устоять перед красными, начали перебрасывать свои отряды на левый берег Волги. Поезда один за другим потянулись через волжский мост. По улицам началось массовое бегство чехо-словаков и белогвардейцев. Паровоз и пароход еле успевали перевозить бегущих. Буржуазия платила по 1000 рублей за лодку.

Впереди вместе с конной разведкой в'ехал в город на автомобиле товарищ Гай, начальник Симбирской железной дивизии. В'ехав на Старый Венец, он стал обстреливать из ручного пулемета белых, стягивавших-

ся со всех сторон города к железнодорожному мосту и к переезду.

Белые в панике бежали: кто на баржах, кто на лодках, или просто на бревнах пробовали бежать на левый берег Волги, но многие погибали. На правом берегу был оставлен белыми весь обоз и артиллерия с огромным количеством оружия и патронов.

В 12 часов 30 минут Симбирск был занят войсками Железной дивизии окончательно. В тот же день товарищ Гай послал в Москву телеграмму по радио на имя Ленина:

«Дорогой Ильич, взятие вашего родного города— это ответ за одну из ваших ран, а за вторую—будет Самара».

Во время героической битвы на железнодорожном мосту, где произошла продолжительная перестрелка, погибло 17 человек красноармейцев Интернационального полка, братская могила которых украшает теперь Новый Венец. Здесь над братской могилой поставлен (в 1927 г.) гранитный обелиск борцам революции, погибшим при освобождении Симбирска от чехо-словацких банд.

***

15 сентября из Алатыря приехал Симбирский губисполком, который в тот же день опубликовал воззвание «Всем рабочим и крестьянам Симбирской губ.

Под напором сил обнаглевшей контрреволюции, под давлением наемных банд англо-французских банкиров,—говорилось в воззвании,—мы вынуждены были временно уступить свои позиции, перенести революционные баррикады.

Два месяца назад перевес сил оказался на стороне буржуазии, на стороне чехо-словацких банд, управляемых искусной рукой английских лордов и авантюристов, социал-предателей из числа членов «Учредительного собрания».

Власть насильников вновь свергнута! Враг избит, он бежит в Сибирь под крыло англо-французских банкиров, но он не уничтожен окончательно.

Мы победили, но опасность еще существует, она может разростись, если мы не будем продолжать своей борьбы.

Пусть кровь тысяч расстрелянных наших братьев и кровь наших великих вождей, на жизнь которых покушалась империалистическая клика, будет тем могучим цементом, который спаяет всех нас в одну могучую непобедимую армию.

Все в ряды Красной армии, все к оружию!»

Это предостережение губисполкома о том, что враг пока не уничтожен окончательно было весьма необходимым. 24 сентября белые вновь попытались захватить Симбирск, усиленно обстреливая ст. Симбирск, пристань, кадетский корпус (здесь находился штаб Железной дивизии).

Положение было серьезное. Приходилось воевать не только с артиллерией и бронепоездами противника, но и с пожарами и паникой, возникшими в городе. Жители попрятались в подвалы.

Только прибывшие флотилии из Казани решили участь отряда генерала Каппеля и с рассветом 26 сентября чехи, потеряв у моста пулеметы, но успев все же взорвать восточный конец железнодорожного моста, быстро отступили на ст. Чердаклы.

С этого момента белые были окончательно раздавлены. 8 октября была взята Железной дивизией и 4-й армией Самара. Один за другим Советской республике возвращаются города, уезды и губернии.

С начала наступления на Симбирск и по взятии Бугуруслана части Железной дивизии за 6 недель сделали с большими и упорными боями более 800 верст, что является редким примером боевых успехов. Чтобы нагляднее представить боевые заслуги Железной дивизии Гая, приводим выдержки характерного документа, под названием «Благодарность социалистического отечества», выданного военно-революционным советом 1-й армии восточного фронта тов. Гаю и хранящегося в ульяновском музее революции. В этом документе говорится следующее:

«От имени пролетариата—бедного крестьянина и

рабочего нашего социалистического отечества—выражаем вам, уважаемый товарищ, начдив Симбирской, Гая, сердечную благодарность за вашу работу по освобождению рабочего класса во время революционной войны на Восточном фронте.

Особо отмечаем... Ваше умелое и успешное руководство бригадой при прорыве в июле, отважное и успешное личное руководство блестящей контратакой 16 августа у ст. Охотничья, успешное и продолжительное руководство дивизией в боях у Симбирска и Сызрани и взятие вами городов Симбирска, Бузулука, Белебея, Стерлитамака... Знаком одобрения от военного революционного совета Республики передаем вам золотые часы с надписью: «От воен. рев. сов. РСФСР. № 8528».

Таково краткое прошлое Симбирской Железной дивизии Гая.*

В первую годовщину освобождения Симбирска Иосиф Варейкис в своей статье «Революционный экзамен», напечатанной в № 96 газеты «Заря» от 12 сентября 1919 года, писал:

«В прошлом году в этот день революционным мечом Железной дивизии, которая почти вся состояла из добровольцев, навербованных из рабочих и беднейших крестьян Симбирской губернии, была разрублена петля, накинутая эсерами и меньшевиками, концы которой держали в своих руках англо-французские капиталисты...

Взятие Симбирска и Казани было первым экзаменом нашей Красной армии. До этого момента мы совершенно не имели регулярной армии. Существовали революционные самоотверженные красногвардейские дружины. Но армии у нас не было. Она только создавалась...

Взятие Симбирска есть первая значительная победа Красной армии, которая с тех пор была признана грозной силой, могущей «сокрушить дни существова-

---

Г. Д. Гай—командир железной дивизии—ныне состоит членом президиума военной академии.

ния империалистического мира». С того дня в Европе, от Клемансо до Каутского, все заговорили о большевистском «милитаризме»... Они убедились, что советская власть не намерена сантиментальничать со своими врагами...

Взятие Симбирска было не только экзаменом для Красной армии, но и для рабочих.

Пятидесятидневное господство белогвардейцев было революционизирующим прогрессивным фактором. Оно пробудило классовое самосознание у рабочих Симбирска. «Только вкусивши горького можно почувствовать сладкое». Только после кровавой бани белоэсеровского правительства рабочие почуяли, вернее «почувствовали», что их власть—это только власть советов...»

Они теперь способны отстоять не только Симбирск, но они настолько сильны и сознательны, что способны в любой момент все как один броситься в бой с мировыми силами империализма. Из темных рабов, пигмеев мы выросли в могучих геркулесов, сплоченных единой ненавистью к капиталу.

«Да здравствует красный Симбирск! Да здравствует Красная армия! Да здравствует мировая революция!»

А в 1928 году по случаю десятилетней годовщины освобождения Симбирска товарищ Гая поместил в газете «Пролетарский путь» статью, посвященную памяти павших бойцов-красноармейцев своей дивизии:

«В годы тяжелой борьбы, борьбы свободного, стоящего у власти и борющегося с винтовкой в руках рабочего класса, мы потеряли лучших своих товарищей...

Они, не щадя своей жизни и проливая свою кровь, создали бессмертные памятники свободы.

Пусть память о них воодушевит нас в грозный час».

РОДИНА ЛЕНИНА—КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ТРУДЯЩИХСЯ

9 мая 1924 года город Симбирск переименован в Ульяновск в ознаменование места рождения В. И. Ульянова-Ленина. А в 1929 году, накануне 12-й го-

довщины Октябрьской революции, открыт Дом-музей Ленина. В стенах Дома-музея Ленина, реставрированного и переоборудованного в бытовой музей, восстановлена сейчас домашняя обстановка семьи Ульяновых в том виде, в каком она была при жизни Ленина. Дом-музей Ленина имеет общегосударственное значение и содержится на средства, отпускаемые по смете Сектора науки Наркомпросса РСФСР.

В Доме—десять небольших комнат, в одной из которых устроена портретная с фотоснимками членов семьи Ульяновых. Во всех комнатах и в кабинете Ильи Николаевича Ульянова, отца Ленина, и в комнате матери—Марии Александровны, и в комнате детей—книга была неот'емлемой их принадлежностью.

Среди экспонатов есть книги с пометками Владимира Ильича, лаборатория Александра Ильича, биография Ольги Ильиничны под заглавием «Первая подруга Владимира Ильича», автобиография Анны Ильиничны Елизаровой—старшей сестры Ильича. Подбирается также состав библиотеки, которой пользовался отец Ленина, и организуется уголок «Ульяновы и их время», характеризующий эпоху 70-х—80-х годов. Собрано уже 83 названия материалов о симбирском периоде жизни Ленина.

За два года работы, в период от XII до XIV годовщины Октября, Дом-музей Ленина посетило 60 500 человек, что дает в среднем в день 84 посещения. В дни же революционных праздников—дни Ленина, Октябрьские торжества, первое мая—количество посетителей доходило от 800—до 1 250 человек в день. При этом из 60 500 посетителей 40 процентов приходится на иногородних. В книгу записей занесены имена и адреса людей, приезжающих из Ленинграда, Москвы, Киева, Бобруйска, Сталинграда, Смоленска, Оренбурга, Донбасса, Казани, Самары, Сызрани, Пензы, из городов и сел, из колхозов.

Среди посетителей Дома-музея были и иностранцы. Например, летом 1931 года посетили Дом музей Ленина две экскурсии норвежцев и немцев, в 15 и 20 человек.

Так Дом-музей Ленина из месяца в месяц, из года в год делает большое культурно-политическое дело, пропагандируя идеи и заветы Ильича, продвигая его лозунги в массы и превращая бывший дворянский Симбирск в центр пролетарской культуры.

За последние годы все чаще ставится вопрос о реконструкции самого города Ульяновска, о превращении его в один из идустриальных городов Средневолжского края.

Выгодное географическое положение—глубокий тыл—город стоит на скрещении железной дороги и волжской магистрали, наличие ископаемых богатств для стройматериалов и энергетической базы, обеспеченность сельскохозяйственным сырьем для промышленности и питания, наличие свободной рабочей силы, в связи с механизацией сельского хозяйства, солидная культурно-техническая база—23 техникума,—все это создает реальные перспективы промышленного развития города.

Какие же эти промышленные перспективы у города? Прежде всего это создание энергетической базы в виде двух электростанций—Ундоргрэса и Свиягостроя. Первую электростанцию мощностью в 24 000 киловатт намечается построить на сланцах, общий запас которых в районе исчисляется в 400 миллионов тонн. Для второй гидростанции—Свиягостроя—намечается использовать разницу в уровне реки Свияги, достигающую высоты 60 метров над уровнем Волги.

На базе этой энергетики будет развиваться промышленность Ульяновска в виде новых заводов—консервного, деревянного станкостроения, маслобойного, стеклянного, фосфоритных мельниц и спичечной фабрики.

Одновременно с этим новым строительством приступлено к реконструкции имеющихся предприятий.

Ярким примером этого является завод «Металлист». Возникший еще в 60-х годах прошлого столетия как завод для ремонта волжских судов, этот завод, восстановленный исключительно руками самих рабочих, имеет сейчас совершенно новое назначение. Завод «Металлист» сейчас изготовляет главным образом за-

пасные части к тракторам для машинно-тракторных станций и зерносовхозов, а также изготовляет сланцевые топки для перевода промышленных предприятий и учреждений на сланцевое топливо. Кроме того намечается на заводе наладить производство кирпичеделательных прессов и механизмов для стройки.

Произведена также реконструкция завода № 3. Этот завод проделал большую работу по освоению ролико-подшипникового производства, необходимого для тракторов (пока единственный завод в Союзе). Намечается на заводе постройка специального цеха роликовых подшипников.

Реконструкция этих двух заводов тесно связана с тем, что хозяйственная жизнь района вступила уже в новую фазу своего развития—перестройки сельского хозяйства района на новой более высокой технической базе.

В Ульяновском районе выстроено две машинно-тракторных станции—Ульяновская и Телешовская, которые являются основными опорными пунктами сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса.

Среди других колхозов под самым Ульяновском, в одном только километре от Дома-музея В. И. Ленина, организован, между прочим, колхоз «Родина Ильича» —новый живой памятник имени Ленина. Это—ближайший колхоз к Ульяновску. Сюда на Свиягу не раз бегал на рыбную ловлю Володя Ульянов. Здесь же он чуть было не утонул и был вытащен из воды рабочим. Каждый уголок на Свияге, что против колхоза, дышит воспоминаниями об Ильиче. И колхоз «Родина Ильича» по праву носит это свое название.

В колхозе «Родина Ильича»—400 хозяйств. Село Конная, где находится колхоз, завершило сплошную коллективизацию. В 1931 году Конно-подгородная слобода впервые благодаря МТС увидела такую вспашку, поистине историческую пахоту, о какой и мечтать не могли встарину крестьяне.

Мысль В. И. Ленина о переделке сельского хозяйства на социалистический лад и о том, чтобы переса-

дить крестьянина с коня на трактор, воплощается теперь в жизнь и на родине самого Ильича, на Свияге и на Волге.

Так меняется лицо города Ульяновска. Оно изменится и со стороны внешнего благоустройства: индустриальный город будет одновременно и городом-садом.

Горкоммунотделом разработан уже проект внутригородского парка культуры и отдыха, как одна из составных частей тех проектно-планировочных работ, выполнение которых горкоммунотдел взял на себя по договору, заключенному с Государственным институтом проектирования городов.

Ульяновск представляет все возможности для открытия образцового внутригородского парка. Он уже сейчас имеет около 30 процентов всей городской площади под садами (против 10 процентной нормы). Великолепная же панорама, открывающаяся с Венца на Волгу (Венец возвышается над Волгой на 140 метров) и на железнодорожный мост, а также наличие огромной площади и культурных учреждений—клуба Фрунзе, городского театра, естественно-исторического музея и Дворца книги—обеспечат широчайший выход на улицу всех видов искусства.

В центре этого огромного зеленого кольца, в зону которого войдут Свердловский сад, сады Подгорья, Новый венец, садик у естественно-исторического музея, намечено соорудить стадион, площадки и трибуны, окаймленные лесными насаждениями.

Все музеи—антирелигиозный, художественный, естественно-исторический и музей революции—включаются в парк культуры и отдыха.

Водонапорную башню намечено превратить в бельведер, откуда открывается великолепный вид на Волгу и на город, в пункт астрономического наблюдения с телескопом для массового обсерваторного обслуживания. В случае, если будет построен Свиягострой, около Духовского спуска намечено устройство под'емника, чтобы предоставить отдыхающим легкий доступ к Волге.

Детальная с'емка не только местности будущего парка, но и зеленых насаждений, дорожек, уже закончена. Ведутся подготовительные работы к тому, чтобы открыть парк и постепенно развертывать в нем дальнейшее строительство.

Так бывший Симбирск, теперь Ульяновск, отразивший в себе почти трехсотлетнюю историю общественного развития России, будет превращен из захудалого города глухой провинции в город-сад, город учебы и физкультуры, в город индустриальный, действительно достойный памяти Ленина.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

При составлении брошюры «Октябрь на родине Ленина» автором использованы архивные материалы истпарта: воспоминания старых большевиков и участников гражданской войны товарищей С. М. Аввакумова, И. Прыткова, В. Х. Кадышева, дедушки А. З. Жукова, И. Абросимова, Я. М. Звирбуля, П. Брунова, Н. Я. Гимельштейна и В. Порозова.

Кроме воспоминаний использованы многие документы, нигде еще не опубликованные: например, договор чехо-словаков с Сызранским исполкомом, белогвардейский приказ о формировании так называемой «народной армии», белогвардейские газеты, листовки и воззвания, «Памятка революционнных событий в Симбирской губернии», «Сборник статей Иосифа Варейкиса» перепечатанных из симбирских газет «Известия» и «Заря» за 1919 и 1920 гг.

Некоторые детали для главы «Чехи в Симбирске» взяты из бесед с жителями Ульяновска, пережившими захват Симбирска чехо словаками.

Из печатных изданий источником для брошюры послужили следующие книги и сборники: В. Алексеев, Два года борьбы (1927 г.); А. Князихин, Профессиональные союзы в Октябрьские дни (1927 г.); «Красная Летопись» (сборник материалов по истории Симбирской организации РКП (б)—1923 г); Г. Д. Гая, В боях за Симбирск (1928 г.); А. Муна, Кто такие чехо-словаки (1918 г.), Гая Гай, Борьба с чехо-словаками на Средней Волге (1931 г.). «1905 год в Симбирске»—сборник истпарта (1925 г.); «Наш город»—справочная книга об Ульяновске (1927 г.); № 4 журн. «Ульяновский общественник». (1927 г.); «Пять лет партийно-советского строительства в Симбирской губернии»—сборник статей (1923 г.); «Ульяновский округ Средневолжской области»—краткий экономический обзор (1928 г.); «Список населенных мест Ульяновского округа Средневолж. обл.» (1928 г.); юбилейный номер «Пролетарского пути», посвященный десятилетию освобождения Симбирска от белых; «Протоколы и доклады VII Симбирского губ. с'езда советов» (1919 г.); «Протоколы второго Симбир. губ. рабочего с'езда» (1919 г.); «Печать Симбирского подполья» (1928 г.); Н. Столов, Периодическая печать Ульяновской губ. (1928 г.); Б. Шмераль, Чехо-словаки и эсеры (1922 г.); В. Троцкий, Самарская организация ВКП(б) в годы войны и Октябрьской революции (1927 г.); «Протоколы крестьянского с'езда Симб. губ. (1917 г); «Муниципальная программа Симбирской организации РСДРП» (19.7 г.).

ПРОТОКОЛ

собрания группы красных партизан и красногвардейцев совместно с издательской комиссией истпарта

19 ноября 1931 года

Присутствовали: дедушка Жуков, В. М. Кадышев, Н. С. Кузнецов, Долников, от Дворца книги—Спиридонова, от Ульяновского городского архива—Ароцкая и от редакции «Пролетарский путь»—Ягодкин.

Председатель—*тов. Кадышев*

1. Слушали:

Брошюру тов. Ягодкина «Октябрь на родине Ленина».

В прениях участвовали тт. Долников, Жуков, Кадышев и Кузнецов.

Тов. Долников указал на необходимость дополнить главу «Подпольный Симбирск» сведениями об убийстве губернатора Старынкевича, а также проверить ряд фактов в отношении ликвидации муравьевщины, пополнив воспоминаниями других участников этого события. Он же оспаривает факт разоружения кадетского корпуса, утверждая, что в кадетском корпусе кадетов тогда уже не было, а были одни тенеты.

Дедушка Жуков и Кадышев наоборот подтверждают, что кадетский корпус существовал в феврале 1918 года, что вокруг него группировалось тогда старое офицерство, и они настаивают, чтоб этот факт разоружения кадетов был обязательно оставлен в брошюре.

Тов. Кадышев указывает, что в отношении ликвидации муравьевщины можно дополнить брошюру еще воспоминаниями И. Прыткова и С. Аввакумова.

Особенно большой спор вызвала глава «Предательство главкома Муравьева». Тов. Долников считает, что главную роль в ликвидации сыграли только три лица—Варейкис, Фрейман и Швер.

Дедушка Жуков говорит:

— Это глупости...вся большевистская организация участвовала в этом...

Тт. Кадышев и Кузнецов также считают, что дело ликвидации муравьевщины есть дело всей большевистской партии, а не отдельных лиц.

Тов Ягодкин говорит, что в воспоминаниях есть неточности, пришлось проверять одно воспоминание другим и рядом документов. В общем же целый ряд воспоминаний говорит о том, что дело ликвидации муравьевщины есть дело всей партийной организации. Конечно, предательство Муравьева внесло значительный переполох, но все же большинство коммунистов каждый на том посту, где его застала эта авантюра, выполнил свой долг, чем и об'ясняется победа над муравьевщиной.

1. Постановили:

Принципиально брошюру одобрить и после некоторых дополнений издать.

По языку и доступному изложению рекомендовать брошюру тов. Ягодкина для массового читателя.

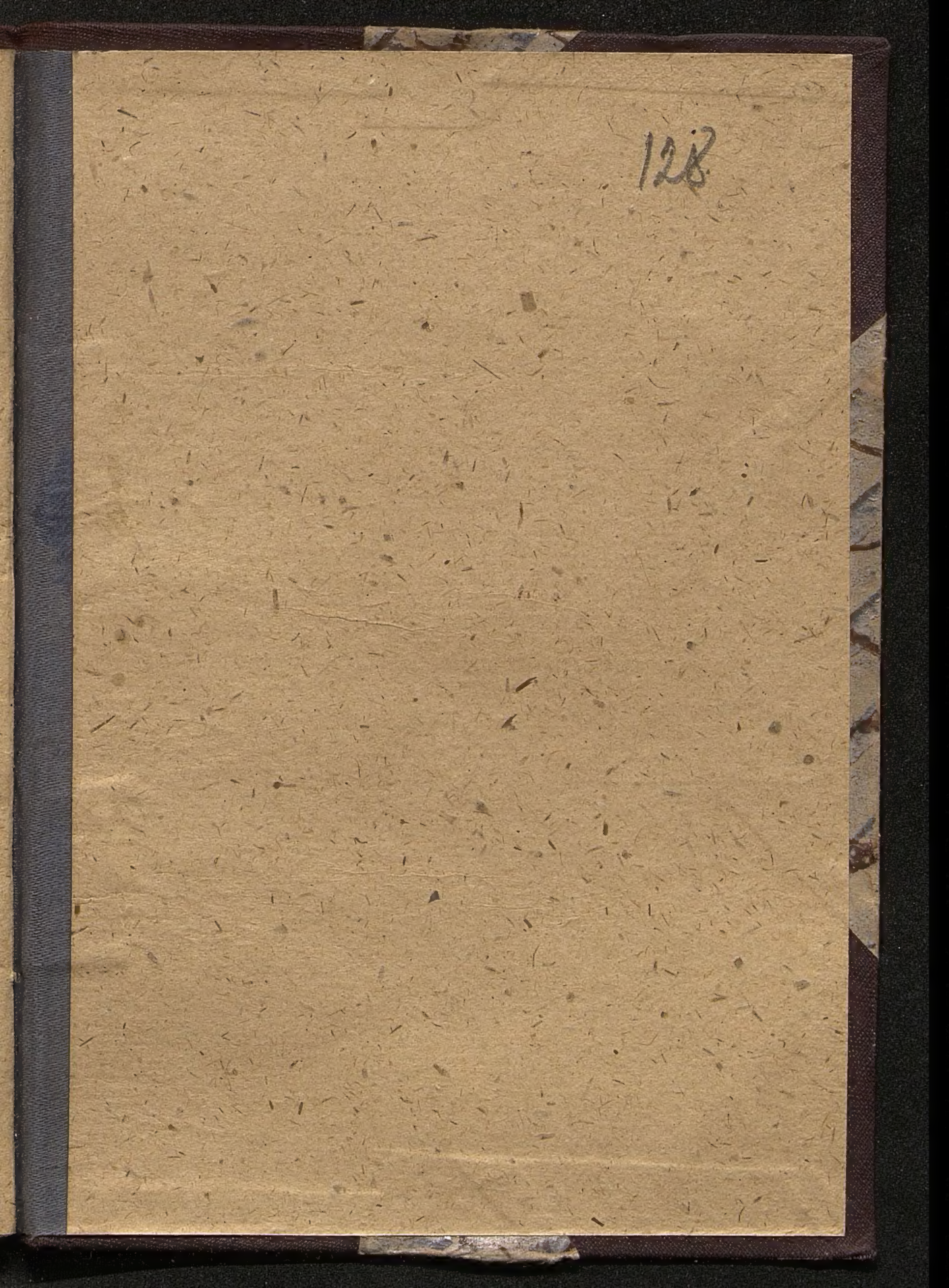
Редактор В. Краевский Тех. редактор А. Щербаков.

Крайлит № Г—?42, ОГИЗ № ?74. Инд. VI-П-1—23 тир. 10000, Кол. печ. зн. в листе 64000 кол. листов 2,25 форм. 72×105/32.
Сдано в набор 20/IV подписано к печати 16/VI-32 г.
Тип. Полиграфкнига им. «МЯГИ» КрайГИЗ а-в Самаре зак. № 1070

Цена 50 коп.

Обложка работы А. Заярного

1932
СРЕДНЕВОЛЖСКОЕ КРАЕВОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—САМАРА

128

